

X 628.101

П/Е

Н. И. ПАНОВ

**УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ
ЗНАЧЕНИЕ
СПОСОБА СОВЕРШЕНИЯ
ПРЕСТУПЛЕНИЯ**

**Харьков
1984**

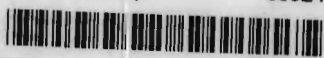
Министерство высшего и среднего специального
образования УССР

Харьковский ордена Трудового Красного Знамени
юридический институт имени Ф. Э. Дзержинского

Н. И. ПАНОВ

код экземпляра

30924

УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ ЗНАЧЕНИЕ
СПОСОБА СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Учебное пособие

*Библиографическое описание
Харьковский юридический институт
имени Ф. Э. Дзержинского*

Александр

Харьков
Харьковский юридический институт
1984

028, 101
16

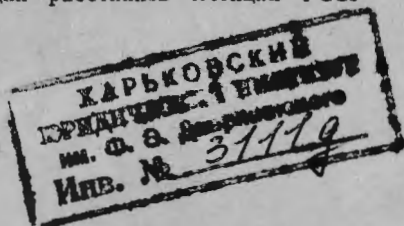
Рекомендовано к печати
Редакционно-издательским советом
института 28 сентября 1984 г.

Пособие посвящено анализу способа совершения преступления, выяснению его значения для правильной квалификации преступлений. Рассматриваются понятие и признаки способа, его соотношение и взаимосвязь с элементами и признаками состава преступления, раскрывается значение способа для квалификации преступлений, для преодоления конкуренции норм и установления совокупности преступлений.

Рассчитано на студентов, аспирантов, преподавателей и практических работников органов юстиции.

РЕЦЕНЗЕНТЫ: Начальник кафедры юридических дисциплин и общественных наук Харьковских высших курсов МВД СССР, кандидат юридических наук В. И. ГАЕНКО;

Харьковский филиал Республиканских курсов повышения квалификации работников юстиции УССР

Харьковский юридический институт им. Ф. Э. Дзержинского, 1984

ВВЕДЕНИЕ

Осуществление задач коммунистического строительства в нашей стране неразрывно связано с дальнейшим укреплением социалистической законности и правопорядка. В условиях развитого социалистического общества становятся нетерпимыми любые правонарушения, особенно наиболее опасные из них — преступления. В Программе КПСС поставлена задача искоренения всяких нарушений правопорядка, ликвидации преступности, устранения всех причин, ее порождающих. В Отчетном докладе ЦК КПСС XXVI съезду КПСС указывалось на то, чтобы каждое преступление должным образом расследовалось и виновные несли заслуженное наказание¹. На это обращалось внимание и в решениях июльского (1983 г.), декабрьского (1983 г.), февральского (1984 г.) Пленумов ЦК КПСС². Выступая 2 марта 1984 г. перед избирателями Куйбышевского избирательного округа г. Москвы, Генеральный секретарь ЦК КПСС тов. К. У. Черненко отметил, что «партия и государство усилили борьбу с такими позорными явлениями, как разбазаривание государственных средств, очковтирательство и злоупотребление служебным положением, хищения, взятки. Это не временная кампания. Это линия, которая будет проводиться постоянно и неукоснительно... Поэтому нужны... постоянное внимание к этим вопросам партийных организаций и трудовых коллективов, всех советских людей, эффективная работа органов... правопорядка и правосудия»³.

В свете этих руководящих указаний важная роль в борьбе с преступностью принадлежит уголовному праву, задачей которого является охрана общественного строя СССР, его политической и экономической систем, социалистической собственности, личности, прав и свобод

¹ Материалы XXVI съезда КПСС.— М.: Политиздат, 1982, с. 65.

² См.: Коммунист, 1983, № 9, с. 3—39; Правда, 1983, 27 декабря; Правда, 1984, 14 февраля.

³ См.: Правда, 1984, 3 марта.

граждан и всего социалистического правопорядка от преступных посягательств. В целях обеспечения эффективности уголовно-правового воздействия на преступность необходимы, в частности, глубокое изучение действующего уголовного законодательства, выработка научно обоснованных рекомендаций по правильному его применению. Это, в свою очередь, предполагает дальнейшее и углубленное исследование проблем состава преступления, анализ его элементов и признаков, выяснение их значения для уголовной ответственности, особенно для правильной квалификации преступлений, являющейся одним из основных этапов применения уголовного закона.

Актуальным, в связи с изложенным, является изучение способа совершения преступления, установление его уголовно-правового значения. Способ¹ предусмотрен более чем в 30% норм Особенной части УК². В нем выражаются как фактические признаки, так и социальные свойства (общественная опасность) преступления. Он во многом определяет пределы преступления, свидетельствует о качественном своеобразии данного преступления, указывает на те индивидуальные черты и свойства, которыми одно преступление отличается от других. Поэтому анализ способа совершения преступления в каждом конкретном случае имеет важное значение для правильной квалификации преступлений, разграничения смежных посягательств, отграничение преступных деяний от непроступных, для преодоления конкуренции уголовно-правовых норм, квалификации преступлений при их совокупности и т. д.

Между тем указанные вопросы не получили должного освещения в литературе, многие из них вообще не рассматривались. Это и обусловило необходимость написания данного учебного пособия, в котором анализируются общие вопросы уголовно-правового значения способа совершения преступления, главным образом — значение способа для квалификации преступлений. Целью пособия является оказание помощи студентам, изучающим Общую и Особенную части уголовного права, а также спецкурсы «Преступления против социалистичес-

¹ Здесь и далее, если иное не оговорено, способ совершения преступления будем для краткости называть способом.

² Если иное не оговорено, имеется в виду УК УССР 1960 г.

кой собственности» и «Хозяйственные преступления» в усвоении основных положений проблемы квалификации преступлений с учетом способов их совершения. При этом автор, при подготовке работы, исходил из задач дальнейшего повышения качества преподавания в системе высшего и среднего специального образования, вытекающих из решений XXVI съезда КПСС¹, июньского (1983 г.) Пленума ЦК КПСС², учитывал значение проблемного метода обучения в вузах, широкого развития научно-исследовательской работы студентов. В связи с этим в пособии не только излагается позитивный материал, но анализируются также и дискуссионные в науке и судебной практике проблемы, высказываются рекомендации правоприменительным органам по правильной квалификации преступлений с учетом способов их совершения.

Г л а в а I. ПОНЯТИЕ СПОСОБА СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

§ 1. ОБЪЕКТИВНЫЕ ПРИЗНАКИ СПОСОБА СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Анализ способа совершения преступления предполагает необходимость глубокой разработки его понятия, выяснение основных и существенных его признаков. При этом следует учитывать, что способ изучается многими науками криминального цикла, которые исследуют различные аспекты проблемы борьбы с преступностью: уголовным правом, криминологией, уголовным процессом, криминалистикой и др. Определяющее значение среди этих наук имеет наука уголовного права. Она является базовой, фундаментальной наукой по отношению к другим наукам криминального цикла. Поэтому уголовно-правовое понятие способа, разрабатываемое на основе уголовного закона наукой уголовного права, является базовым, определяющим понятием, из которого должны исходить в своих исследованиях и все другие науки криминального цикла.

¹ Материалы XXVI съезда КПСС.— М.: Политиздат, 1981, с. 60, 182.

² Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 14—15 июня 1983 г.— М.: Политиздат, 1983, с. 5—26; 27—66; 67—80.

В действующем уголовном законодательстве отсутствует определение понятия способа совершения преступления. В то же время во многих нормах Особенной части УК названы такие конкретные способы, как физическое насилие (при грабеже, разбое, изнасиловании), психическое насилие (вымогательство, грабеж, угроза в отношении должностного лица или общественного работника), обман (мошенничество, обман покупателей или заказчиков), злоупотребление доверием (мошенничество, причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием) и др. Выяснение объема и содержания понятий указанных способов, их объективных и субъективных признаков имеет важное значение как для правильного применения уголовного закона (квалификации преступлений, отграничения преступных деяний от непроступных и др.), так и для назначения наказания, соразмерного содеянному. Однако глубокое изучение этих конкретных способов невозможно без выяснения общего понятия способа в уголовном праве, ибо, как указывал В. И. Ленин, «...кто берется за частные вопросы без предварительного решения общих, тот неминуемо будет на каждом шагу бессознательно для себя «натякаться» на эти общие вопросы¹».

В общем понятии способа совершения преступления выражаются общие и наиболее существенные признаки, которыми обладают отдельные способы в конкретных преступлениях. Общее понятие способа совершения преступления относится к конкретным способам, как общее к отдельному. «Общее,— отмечал В. И. Ленин,— существует лишь в отдельном, через отдельное. Всякое отдельное есть (так или иначе) общее. Всякое общее есть (частичка или сторона или сущность) отдельного. Всякое общее лишь приблизительно охватывает все отдельные предметы. Всякое отдельное неполно входит в общее и т. д. и т. п. Всякое отдельное тысячами переходов связано с другого рода отдельными (вещами, явлениями, процессами) и т. д.»². Следовательно, разработка в уголовном праве общего понятия способа совершения преступления и анализ на его основе понятий отдельных (конкретных) способов позволит выяснить их существенные признаки и уголовно-правовое значение.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 15, с. 368.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 318.

Разрабатывая общее понятие способа совершения преступления, необходимо исходить из того, что способ относится непосредственно к акту общественно опасного поведения человека, является важной характеристикой действия (бездействия), которое имеет две образующие ее стороны: внешнюю (физическую, исполнительную) и внутреннюю (психическую, волевую). Поэтому и способ совершения преступления, выступая составной частью объективной стороны преступления, наполнен в то же время волевым содержанием и характеризуется как внешними (объективными), так и внутренними (субъективными) признаками. В связи с изложенным, нельзя согласиться с мнением о том, что способ совершения преступления относится лишь к его внешним признакам, характеризует только его объективную сторону, а волевое содержание способа рассматривать нет надобности¹. Таким решением способ совершения преступления, как признак, характеризующий единое, психофизическое явление — действие (бездействие), сводится лишь к внешней, физической сфере. Между тем, способ, как и само действие, немислим без волевого содержания, мотивов и целей, которые порождают, направляют преступление², а также и способ его совершения. Таким образом, для того, чтобы выработать общее понятие способа совершения преступления, необходимо проанализировать его объективные и субъективные признаки, в которых проявляются наиболее существенные его черты и свойства. Конечно, вычленение объективных и субъективных признаков способа совершения преступления — единого психофизического, социально-правового явления — носит условный характер, но в теоретическом отношении оно представляется полезным и необходимым для более глубокого его изучения.

Объективные признаки способа совершения преступления характеризуют физический, операционный (динамический) процесс преступного деяния, рассматриваемый с его внешней стороны, и свидетельствуют о том, как, каким образом, в каких условиях, посредством ис-

¹ Пономарев Н. П. Уголовно-правовое значение способа совершения преступления: Автореф. дис... канд. юрид. наук. — М., 1980, с. 4—10.

² Кудрявцев В. Н. Объективная сторона преступления. — М.: Госюриздат, 1960, с. 12—13.

пользования каких сил и средств совершенно действие (бездействие), признаваемое преступлением. Поэтому и в определении способа совершения преступления, имеющиеся в литературе, включены главным образом его объективные признаки. Однако нет единства во взглядах на то, что надо понимать под объективными признаками способа совершения преступления. Наиболее распространено мнение, согласно которому способ рассматривается с его внешней стороны как определенная форма выражения преступного действия или бездействия¹. С этим едва ли можно согласиться. Если под термином «форма» в его общеупотребительном значении понимать «наружный, внешний вид явления или предмета», то толкование способа как формы совершения преступления приводит к отождествлению самого действия (бездействия) и способа его совершения, так как с внешней стороны преступление выражается, как известно, в общественно опасном действии или бездействии. Неприемлемо данное определение способа совершения преступления и в том случае, когда под формой как философской категорией понимают внутреннюю структуру, связь, способ организации и взаимодействия отдельных частей, элементов и процессов как между собой, так и с внешними условиями². Философская категория формы более применима для характеристики общественно опасных деяний определенного вида, описываемых в уголовно-правовой норме в качестве преступления. В диспозиции нормы законодатель учитывает форму проявления преступлений данного вида во вне, выделяет наиболее существенные их признаки, которые отражают определенную общественно вредную закономерность. Структура, внутренняя связь этих признаков (к ним можно отнести признаки, характеризующие действие или бездействие: способ, место, время, обстановку совершения преступления и др.) с учетом характера и содержания общественных отношений, на ко-

¹ См.: Браинин Я. М. Уголовная ответственность и ее основание в советском уголовном праве.—М.: Юрид. лит., 1963, с. 181; Пономарева Н. П. Уголовно-правовое значение способа совершения преступления: Автореф. дис... канд. юрид. наук.—М., 1970, с. 3—4; Сухарев Е. А. Оптимальное отражение способов совершения преступления в конкретных составах. — В кн.: Сборник научных трудов, вып. 29, Свердловск, 1974, с. 57—62.

² Шептуллин А. Л. Категории диалектики.— М.: Высшая школа, 1971, с. 190—197.

торые направлены посягательства данного вида, и образуют форму преступления. Так, в законе выделены формы хищений социалистического имущества (кража, грабеж, разбой и др.), причем в основу этого деления положен способ совершения хищения. Следовательно, здесь способ выступает не как форма преступного деяния, а как структурный признак, определяющий соответствующую форму проявления этого деяния и преступления в целом.

В криминалистике способ совершения преступления иногда определяют как отдельные комплексы действий¹, либо как единый комплекс действий², или же как систему действий, применяемых лицом для совершения преступления³. Но такое определение способа совершения преступления является чрезмерно широким, не показывает особенностей, которыми способ отличается от преступлений, слагающихся из нескольких актов поведения, направленных на причинение вреда объекту уголовно-правовой охраны. Как отмечает В. Н. Кудряцев, иногда в силу особенностей конкретного преступления то, что мы называем преступным действием, включает фактически несколько действий виновного⁴ (сложное действие). Сюда могут быть отнесены продолжаемые преступления, составные преступления, преступления, действия которых слагаются из двух и более актов поведения. В этих случаях преступное действие представляет собой единый комплекс или же систему действий, осуществляемых лицом для совершения преступления. Таким образом, в упомянутых определениях способ совершения преступления и преступное действие фактически отождествляются.

Развивая позицию ученых, полагающих, что способ совершения преступления — это система или же комплекс действий, применяемых лицом для совершения пре-

¹ Васильев А. Н., Мудьюгин Г. Н., Якубович Н. Я. Планирование расследования преступлений.— М.: Госюриздат, 1957, с. 65.

² Куранова Э. Д. Об основных положениях методики расследования отдельных видов преступлений.— Вопросы криминалистики, 1962, № 6—7, с. 65.

³ Зуйков Г. Г. Криминалистическое учение о способе совершения преступления: Автореф. дис... д-ра юрид. наук, 1970, с. 10.

⁴ Кудряцев В. Н. Объективная сторона преступления.— М., 1960, с. 70.

ступления, И. Жордания определяет способ как систему взаимосвязанных, целенаправленных актов поведения: действий, операций, приемов, движений, применяемых лицом при совершении преступления¹. При этом движения, по мнению автора, выступают способом выполнения приемов. Совокупность приемов служит способом осуществления операций. Система операций (элементарных актов поведения, входящих в состав действия) является способом совершения действия и т. д. Отсюда следует вывод, что «у каждого способа имеются свои способы», «каждый способ осуществляется разными способами²». Данная позиция, по существу, не отличается от ранее рассмотренных, поскольку способ здесь сводится к сумме актов поведения, образующих в совокупности преступное действие. Особенность же ее состоит в том, что менее простая операционная единица признается способом (средством) выполнения более сложной операции. Подобное «анатомирование» действия на мелкие составляющие части с определением, какая из этих частей является способом совершения другой, представляется искусственным. В каждом преступлении, значит, может выделяться множество способов, каждый из которых, как и все они, вместе взятые, не могут свидетельствовать ни о фактических, ни о социальных свойствах преступления.

Иногда под способом совершения преступления понимают дополнительное деяние вспомогательного, служебного характера по отношению к деянию основному и определяют его как предусмотренное законом, существенно повышающее общественную опасность основного деяния, умышленное использование виновным дополнительных сил, факторов, облегчающих совершение преступного деяния³. Однако такое сочетание деяний далеко не всегда имеет место. Зачастую способ совершения преступления не составляет дополнительного действия по отно-

¹ Жордания И. Ш. Структура и правовое значение способа совершения преступления.— Тбилиси: Сабчота сакартвело, 1977, с. 12—20, 90.

² Жордания И. Ш. Структура и правовое значение способа совершения преступления, с. 17—18.

³ Кругликов Л. Л. Способ совершения преступления (вопросы теории): Автореф. дис., канд. юрид. наук.—Свердловск, 1971, с. 5—9.

шению к основному, а внутренне присущ самому действию, характеризует последнее и является при этом его наиболее существенным признаком, например: тайное похищение — при краже, открытое похищение — при грабеже, особая жесткость или опасность для жизни многих лиц — при убийстве и т. д. В таких случаях отсутствует «вспомогательное» действие, которое выступало бы в качестве способа совершения преступления, а само преступное деяние характеризуется тем или иным способом его осуществления. Следовательно, приведенная точка зрения необоснованно суживает понятие способа совершения преступления.

Более предпочтительной представляется позиция В. Н. Кудрявцева, который характеризует способ совершения преступления как определенный порядок, метод, последовательность движений и приемов, применяемых лицом для совершения преступления¹. Такое понимание способа совершения преступления соответствует и этимологическому значению термина «способ», под которым понимают «образ действия, прием, метод осуществления чего-либо, тот или иной порядок действия, метод в исполнении какой-нибудь работы, в достижении какой-нибудь цели». Из изложенного вытекает и служебная роль способа совершения преступления. Он характеризует преступное деяние с качественной стороны, указывает, как, каким образом выполнено предусмотренное законом общественно опасное действие (бездействие), какие именно приемы и движения произведены, каковы их порядок и последовательность, в отношении каких материальных предметов они совершены. Следовательно, способ совершения преступления выступает в роли признака, который характеризует качественное своеобразие преступления, показывает его индивидуальные особенности, присущие действию в конкретном преступлении. Так, завладение государственным или общественным имуществом путем обмана или злоупотребления доверием свидетельствует о качественном своеобразии действия при мошенничестве, которое отличается, например, от преступного

¹ Кудрявцев В. Н. Способ совершения преступления и его уголовно правовое значение.— Советское государство и право, 1957, № 8, с. 60—69; Он же: Объективная сторона преступления, с. 71—70.

действия при хищении путем кражи, грабежа, присвоения, растраты и т. п.

Способ совершения преступления, являясь объективной характеристикой действия и его неотъемлемым признаком, в то же время не может быть с ним отождествлен, не совпадает с ним по содержанию. Характеризуя соотношение действия и способа его выполнения, А. Н. Леонтьев отмечал: «...Помимо своего интенционального аспекта (что должно быть достигнуто), действие имеет и свой операционный аспект (как, каким способом это может быть достигнуто), который определяется не самой по себе целью, а объективно-предметными условиями ее достижения»¹. Действия соотносительны целям, способы же осуществления действий — условиям достижения цели. Допустим, что цель остается та же, условия же, в которых она дана, изменяются, тогда меняется только операционный состав действия, т. е. способ его осуществления. Следовательно, в структуре действия выделяются процессы, подчиняющиеся сонательным целям, и операции — способы осуществления действия, которые непосредственно зависят от объективно-предметных условий достижения конкретной цели².

Таким образом, тот или иной способ совершения преступления свидетельствует прежде всего о соответствующих объективно-предметных условиях, в которых осуществляется преступное действие. Эти условия (к ним могут быть отнесены объект, предмет преступления, а также место, время, обстановка и средства совершения преступления) в свою очередь существенным образом влияют на способ, выступают его детерминантами; т. е. определяют соответствующий образ действия, обуславливают порядок, метод, последовательность движений и приемов, применяемых лицом при совершении преступления. В связи с этим нельзя согласиться с теми, кто место, время, обстановку и другие указанные обстоятельства включают в содержание способа совершения преступления³. Эти обстоятельства лишь детерминируют соответ-

¹ Леонтьев А. Н. Деятельность, сознание, личность.— М.: Политиздат, 1977, с. 107.

² Там же, с. 107—109.

³ Зуйков Г. Г. Криминалистическое учение о способе совершения преступления: Автореф. дис... д-ра юрид наук, 1970, с. 10; Жордания И. Ш. Структура и правовое значение способа совершения преступления.— Тбилиси, Сабчота сакартвело, 1977, с. 27.

ствующий способ преступного действия, но не могут входить в его содержание как составные части, так как в противном случае способ будет отождествлен с объективной стороной преступления¹.

Способ совершения преступления представляет собой внутренне присущее ему операционное, динамическое своеобразие исполнения действия. Так, для телесных повреждений, убийств, побоев характерен преимущественно насильственный способ действий; для приписок и других искажений отчетности, контрабанды — обман и т. п. Здесь способ принадлежит непосредственно действию, «скрыт» в нем, является важнейшей характеристикой действия, свидетельствующей о его качественном своеобразии.

Иногда способом совершения преступления может выступать и отдельное действие, например, физическое насилие или угроза при изнасиловании, обман при уклонении от очередного призыва на действительную военную службу и т. д. Однако способ и в таких случаях представляет собой не нечто самостоятельное, отдельно стоящее от преступного действия, а один из важнейших его признаков, характеризующих качественное своеобразие исполнения действия, признаваемого преступлением. Здесь действие, выступающее как способ совершения преступления, включается в некоторое другое действие более высокого уровня в качестве обслуживающего его и, являясь приемом, необходимым условием совершения последнего, составляет с ним неразрывное единство.

Способ совершения преступления характерен прежде всего для преступного действия как активного, волевого, общественно опасного поведения лица. Он и свидетельствует о том, каким образом лицо совершает общественно опасное действие, какие приемы, методы и средства оно применяет для этого. Таким образом, о способе совершения преступления можно вести речь лишь применительно к стадии исполнения действия, т. е. к исполнительной деятельности, когда лицо выполняет соответствующее действие, предусмотренное уголовным законом в качестве преступления. В этой связи нельзя согла-

¹ Колесниченко А. Н. Актуальные проблемы методики расследования преступлений. — В кн.: Вопросы государства и права. — М., 1970, с. 335.

ситься с теми, кто в содержание способа включает и действия по подготовке и сокрытию преступления¹. Приготовление к преступлению, как известно, еще не ставит социалистические общественные отношения перед непосредственной опасностью причинения вреда, а лишь создает для этого необходимые условия. Приготовительные действия не являются элементом объективной стороны состава преступления, они представляют собой лишь необходимый акт, обеспечивающий совершение преступления. При каких бы то ни было приготовительных действиях еще нет самого осуществления действия, непосредственно приводящего к преступному результату. Таким образом, при приготовлении к преступлению лицо еще не начинает совершать действия, составляющего признак объективной стороны преступления. Очевидно, что если действие, предусмотренное законом в качестве преступления, еще не начало осуществляться, то, естественно, нельзя говорить и о способе его совершения. Точно так же нельзя признать, что сокрытие преступления является составной частью способа совершения преступления. Безотносительно к тому, совершены ли такие действия после окончания преступления либо в процессе его осуществления, они не входят в объективную сторону этого преступления (хотя и могут образовывать состав другого преступления), не входят в действие, признаваемое преступлением, в качестве составляющих его компонентов и поэтому не могут рассматриваться как составные элементы способа совершения преступления.

Большинство криминалистов признают, что способ является признаком и тех преступлений, которые учиняются путем бездействия. Исходят при этом из того, что при бездействии способ имеет специфическое содержание, определяет, какие конкретно действия не совершены и какие при этом использованы силы и закономерности², либо выступает как образ, характер действий, не произведенных субъектом (не включил сигнализацию, не

¹ Зуйков Г. Г. Криминалистическое учение о способе совершения преступления: Автореф. дис... д-ра юрид. наук, 1970, с. 10; Жордания И. Ш. Структура и правовое значение способа совершения преступления, с. 27—28.

² Пономарева Н. П. Уголовно-правовое значение способа совершения преступления: Автореф. дис... канд. юрид. наук.— М., 1970, с. 8.

передал сообщение о выходе поезда¹), или же заключается в невыполнении каких-либо обязательных действий и выполнении иных действий, не приводящих к должным результатам, которые требовалось достичь предписанными действиями². Однако представляется, что о способе совершения преступления при бездействии можно говорить лишь условно, поскольку с физической стороны бездействие—это состояние противоположное действию, заключающееся в несовершении действий, которые лицо обязано было и могло совершить³. Бездействие, являясь негативной формой поведения человека, в целом, лишено операционной, исполнительской, относящейся к способу действия сферы. Способ при бездействии может лишь свидетельствовать об источниках опасности, которая угрожает правоохраняемому объекту и которую виновный должен был и мог предотвратить, либо о тех явлениях и процессах, развитие которых виновный использовал для причинения вреда объекту или развитию которых он не препятствовал, хотя был обязан и мог это сделать. Вместе с тем, само бездействие может иногда выступать в качестве способа, если оно сопряжено с последующим совершением виновным активных действий. При этом бездействие выступает как прием, обуславливающей последующее совершение активных действий (например, обман, выражающийся в несообщении сведений, которые виновный должен был сообщить, сопряженный с завладением имуществом при мошенничестве).

Способ тесно связан со средствами совершения преступления. Под средствами совершения преступления в уголовном праве понимают вещи, предметы, документы, механизмы, приспособления и другие предметы материального мира, применяя которые, виновный совершает преступление⁴. Избирательное использование лицом соответствующих предметов для осуществления преступ-

¹ Колесниченко А. Н. Общие положения методики расследования отдельных видов преступлений.— Харьков, 1976, с. 9—10.

² Жордания И. Ш. Структура и правовое значение способа совершения преступления, с. 40.

³ Тимейко Г. В. Общее учение об объективной стороне преступления.— Ростов: Изд-ва Ростовск. ун-та, 1977, с. 52—61.

⁴ См.: Кудрявцев В. Н. Объективная сторона преступления, с. 75; Брайнин Я. М. Уголовная ответственность и ее основание в советском уголовном праве, с. 188.

ления и составляет своеобразный (орудийный) способ совершения преступления. В предметах материального мира как средства совершения преступления содержится определенная программа (способ) возможных действий, которые могут быть совершены путем использования этих предметов. Так, холодное и огнестрельное оружие содержит в себе возможность совершения насильственных преступлений, заведомо подложные документы — возможность совершения различного рода уголовно наказуемых обманов и т. п. Отсюда вытекает, что характер средств, которые использует виновный при осуществлении преступного посягательства, во многом предопределяет, детерминирует и характер способа совершения преступления. При этом предметы материального мира выступают как средства совершения преступления лишь при условии, что они используются для совершения преступного действия, т. е. находятся не в статическом, а в динамическом состоянии.

§ 2. СУБЪЕКТИВНЫЕ ПРИЗНАКИ СПОСОБА СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Кроме внешних, объективных признаков, способ совершения преступления имеет внутреннее, волевое содержание. Избранию того или иного образа действия предшествует определенная (интеллектуальная, эмоциональная, волевая и оценочная) психическая деятельность человека. Появление побуждений к действию и принятие решений невозможны без определения путей и способов их реализации. С другой стороны, возникшие у человека намерения и цели получают свое конкретное выражение в совершенных им действиях¹.

Наибольшее влияние на выбор способа преступного поведения оказывают мотив и цель. Постановка цели всегда связана с определением способов и средств ее осуществления². К. Маркс отмечал, что человек строит образ подлежащего созданию объекта у себя в голове и лишь затем строит этот объект в действительности³. В то же время способ совершения преступления является

¹ Волков Б. С. Детерминистическая природа преступного поведения. — Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1975, с. 20.

² Макаров М. О. Категория «цель» в марксистской философии. — Л.: Наука, 1977, с. 18.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 189.

для преступника «средством» достижения соответствующей цели. Видимо, поэтому некоторые ученые пришли к выводу, что способ характерен только для умышленных преступлений¹. Такое мнение едва ли может быть признано убедительным. Неосторожное преступление, как и умышленное, должно удовлетворять требованиям ст. 7 Основ (ст. 7 УК УССР), т. е. должно представлять собой общественно опасное, противоправное деяние (действие или бездействие). Следовательно, объективную сторону неосторожных преступлений также составляет действие (бездействие), которое с внешней стороны, как и в умышленном преступлении, всегда характеризуется местом, временем, обстановкой, средствами и способом совершения преступления. Поэтому обоснованным представляется мнение В. Н. Кудрявцева, который считает, что способ—объективная характеристика действия, не зависящая от того, с какой формой вины оно совершается. Следовательно, тот или иной способ совершения преступления присущ всем преступлениям, как умышленным, так и неосторожным².

Совершая преступление умышленно, лицо сознательно избирает такой способ выполнения действия, при котором предвидит его общественно опасные последствия и желает или сознательно допускает их наступления. При умысле субъект сознает объективные признаки способа: избираемый им порядок, метод, последовательность движений и приемов, применяемых при выполнении общественно опасного деяния, образующего объективную сторону преступления, а также свойства используемых для этого средств. Здесь виновный также предвидит, что в результате выполнения им общественно опасного действия, совершаемого определенным способом, наступят общественно опасные последствия, причем предвидит (в частности, с учетом характера действия и

¹ См., напр.: Васильев А. Н., Мудьюгин Г. Н., Якубович Н. А. Планирование расследования преступлений.— М.: Госюриздат, 1957, с. 65; Куранова Э. Д. Об основных положениях методики расследования отдельных видов преступлений.— В кн.: Вопросы криминалистики, вып. 6—7, М., 1962, с. 165; Кругликов Л. Л. Способ совершения преступления. Автореф. дис... канд. юрид. наук.— Свердловск, 1971, с. 9; Тарарухин С. А. Преступное поведение.— М.: Юрид. лит., 1974, с. 77 и др.

² Кудрявцев В. Н. Объективная сторона преступления, с. 72.

способа его совершения) либо неизбежность, либо реальную возможность их наступления.

Совершая преступление с прямым умыслом, лицо, как известно, желает наступления предвидимых им общественно опасных последствий. «Желание,— писал С. Л. Рубинштейн,— это определенное стремление, оно направлено на определенный предмет. Зарождение желания означает поэтому всегда возникновение и постановку цели. Желание — это целенаправленное стремление¹». В свою очередь цели, которые ставит человек в своей практической деятельности, определяются его потребностями и мотивами. Целью действий виновного при прямом умысле являются общественно опасные последствия, представляющие собой элемент соответствующего состава преступления. Следовательно, преступное последствие, причиненное с прямым умыслом, отмечает П. С. Дагель, являясь целью действий виновного, вытекает из мотива деятельности лица и определяется этим мотивом². Возникновение же цели в сознании виновного одновременно означает определение способов и средств ее осуществления. Поэтому в преступлениях, совершаемых с прямым умыслом, мотив и цель неразрывно связаны со способом совершения преступления, определяют его. В то же время избираемый преступником способ осуществления преступного деяния свидетельствует о мотивах и целях его действий, указывает на тот преступный результат, который он стремился достигнуть путем совершения преступления.

Желание наступления общественно опасного последствия при прямом умысле может иметь различные модификации и выражаться 1) в том, что виновный стремится к наступлению общественно опасного последствия, являющегося элементом состава, как к конечной цели своих действий; 2) либо эти последствия могут выступать для него не конечной, а промежуточной целью, в качестве необходимого «средства» достижения иной конечной цели (самой по себе преступной или не преступной); 3) или же последствия являются лишь опреде-

¹ Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии.— М.: Учпедгиз, 1946, с. 513.

² Дагель П. С.; Котов Д. П. Субъективная сторона преступления и ее установление.— Воронеж, 1974, с. 99.

ленным этапом достижения конечной цели¹. В первом случае способ и цель действий виновного находятся в однозначной связи, осуществление действия избранным способом предполагает достижение преступной цели и наступление общественно опасных последствий. Совершая преступление соответствующим способом, виновный стремится к достижению преступных последствий как к конечной цели своего действия, он не преследует при этом иных целей. Здесь последствия, к наступлению которых стремится виновный, непосредственно вытекают из характера преступного действия и способа его совершения, им обусловлены.

Во втором случае виновный стремится к наступлению общественно опасных последствий как «средству» достижения другой цели. При этом выполняемые им действия по достижении промежуточной цели выступают в качестве способа достижения конечной цели. Так, злоупотребление служебным положением при хищении государственного или общественного имущества путем злоупотребления служебным положением выступает способом достижения другой цели — обращения государственного или общественного имущества в свою или других лиц пользу. Причем, каждая из преследуемых целей охватывается сознанием и волей лица и образует содержание желания как волевого признака умысла. Как правило, в рассматриваемых случаях каждой из целей, к достижению которых стремится виновный, соответствуют самостоятельные действия, одно из которых выступает способом совершения другого. Например, при грабеже насилие или угроза его применения преследуют цель подавления воли и возможного (или наличного) сопротивления потерпевшего, что является, в конечном счете, способом осуществления другого, основного действия и достижения другой, главной цели — завладения личным имуществом гражданина.

Наконец, при прямом умысле общественно опасные последствия могут выступать для виновного только этапом в достижении конечной цели. В таком случае может иметь место несколько последствий, каждое из которых выступает составной частью того преступного результата, к наступлению которого стремится лицо как

¹ Дагель П. С., Котов Д. П. Субъективная сторона преступления и ее установление. с. 99—100.

к общей и конечной цели. Так, продолжаемые преступления состоят из ряда тождественных действий направленных к общей цели и составляющих в своей совокупности единое преступление. Здесь отдельные акты преступного поведения и их последствия образуют единое продолжаемое преступление не только в силу единства (общности) цели, но и тождественности совершенных действий.

При косвенном умысле, в отличие от прямого, лицо не желает, а лишь сознательно допускает наступление предвидимых общественно опасных последствий. Здесь преступные последствия не являются ни целью действий виновного, ни средством ее достижения, ни этапом на пути к цели¹. В данном случае последствие, как элемент состава преступления—побочный результат деяния виновного, направленного на иную цель, оно не соответствует мотиву и цели, прямо не вытекает из них. Общественно опасные последствия при косвенном умысле как побочный результат действия виновного, направленного на достижение иной желаемой ему цели, неразрывно связаны с характером и способом его совершения. Виновный сознательно применяет такие приемы, методы и средства осуществления действия, направленного на достижение поставленной цели, при которых предвидит реальную возможность наступления общественно опасных последствий и сознательно их допускает. Последствия в данном случае вытекают из характера действия и способа его совершения, ими обусловлены. В содержание волевого акта поведения лица при косвенном умысле входят не только те последствия, к наступлению которых оно стремится как к конечной цели своих действий, но и те, которые, являясь элементом состава преступления, наступают как сопутствующие, побочные, и наступления которых субъект не желает, но и не отклоняет, а наоборот, своим деянием сознательно их вызывает. Причем виновный избирает такой способ осуществления преступного действия, при котором предвидит лишь возможность (вероятность) наступления общественно опасных последствий. Если же характер действия и способ его исполнения обуславливали неизбежность наступления общественно опасных последствий, и субъект, соз-

¹ См.: Дагель П. С., Котов Д. П. Субъективная сторона преступления, с. 101.

навая это, тем не менее совершает такое действие, то содеянное следует относить к преступлениям с прямым умыслом. В этой связи представляется спорным мнение тех авторов, которые утверждают, что предвидение неизбежности наступления общественно опасных последствий наряду с предвидением реальной возможности их наступления образует косвенный умысел¹. В данном решении не учитываются объективно существующие связь и взаимозависимость между характером общественно опасного деяния, способом его осуществления и общественно опасным последствием, которое с неизбежностью должно наступить при совершении этого деяния. В содержание желания как волевого признака прямого умысла входят, как представляется, не только те последствия к наступлению которых стремится прежде всего лицо, но и те, неизбежность наступления которых с учетом характера деяния и способа его исполнения оно предвидит. Здесь желание наступления общественно опасных последствий носит, так сказать, общий характер. Желая наступления одних последствий и предвидя неизбежность наступления других, лицо не может не желать последних, так как, совершая деяние, сознательно вызывает их наступление.

В неосторожных преступлениях поведение виновного характеризуется таким способом, при котором он предвидит возможность наступления общественно опасных последствий своего действия (бездействия), но легкомысленно рассчитывает на их предотвращение (преступная самонадеянность), либо не предвидит этих последствий, хотя мог и должен был предвидеть (преступная небрежность). Поведение субъекта в неосторожных преступлениях, как и умышленных, носит мотивированный, целенаправленный характер². При этом способ осуществления действия выступает для лица также в качестве «средства» достижения преследуемой им цели. Но мотив и цель здесь не охватывают общественно опасных по-

¹ См.: Утевский Б. С. Вина в советском уголовном праве.— М.: Госюриздат, 1950, с. 255; Дагель П. С., Котов Д. П. Субъективная сторона преступления и ее установление, с. 102—108.

² См.: Дагель П. С. Проблемы вины в советском уголовном праве.— Уч. зап. ДВГУ, 1968, вып. 21, ч. 1, с. 169; Котов Д. П. Мотивы преступлений и их доказывание.— Воронеж, 1975, с. 35; Квашис В. Е., Махмудов Ш. Д. Ответственность за неосторожность.— Душанбе.: Ирфон, 1975, с. 50—52.

следствий, с наступлением коорых, по общему правилу, связываются преступность и наказуемость неосторожных общественно опасных деяний. Таким образом, общественно опасные последствия, как признак состава неосторожного преступления, не выступают компонентом мотивационной и целенаправленной деятельности субъекта. Тем не менее само преступное поведение лица (действие или бездействие), повлекшее наступление общественно опасного последствия, всегда является мотивированным и целенаправленным. Оно обусловлено соответствующими мотивами, лицо стремится здесь достигнуть определенную цель (несколько целей), в содержание которой при этом не входят общественно опасные последствия. Эти цели сами по себе могут быть социально негативными, нейтральными или даже позитивными. Но поскольку реализация, достижение указанных целей сопряжены с причинением вреда объекту уголовно-правовой охраны и наступлением общественно опасных последствий, необходимо заключить, что мотив и цель в таком случае принадлежат не только акту поведения лица, но и всему неосторожному преступлению в целом. Несоответствие же, несовпадение цели поведения лица и общественно опасных последствий в неосторожных преступлениях может иметь место вследствие «недовыполнения» либо «перевыполнения» цели¹, что во многом зависит от характера совершаемого действия, способа его выполнения и примененных средств, конкретной объективной обстановки, в которой действует лицо, его субъективных качеств и возможности предвидеть последствия своих действий и т. п.

Несоответствие цели и последствий в неосторожных преступлениях не означает, однако, что причиненный вред носит объективно случайный характер. Здесь виновный либо не выполняет всех необходимых действий, которые требовались в конкретной объективной обстановке для предотвращения общественно опасных последствий, либо совершает такие действия, которые оказались избыточными и обусловили наступление указанных последствий. Следовательно, между поведением лица и

¹ См.: Дагель П. С. Неосторожность: Уголовно-правовые и криминологические проблемы.— М.: Юрид. лит., 1977, с. 34; Котов Д. П. Мотивы преступления и их доказывание.— Воронеж, 1975, с. 22—24.

наступившими последствиями существует необходимая причинная связь, в основе которой лежат объективные свойства деяния, в частности способ совершения преступления и примененные при этом средства. В этой связи трудно согласиться с мнением П. С. Дагеля о том, что преступный результат при неосторожности «случаен» для поведения лица, не вытекает из него с внутренней необходимостью¹. Безотносительно к преследуемой виновным цели деяние в неосторожном преступлении, исходя из его объективных свойств и прежде всего способа его осуществления, создает в конкретной обстановке реальную возможность наступления общественно опасных последствий и в конечном счете вызывает их. Это обстоятельство учитывается, в частности, при решении вопроса о предвидении лицом общественно опасных последствий: при преступной самонадеянности оно предвидит возможность их наступления, а при преступной небрежности — не предвидит, хотя могло и должно было их предвидеть. Так, при преступной самонадеянности лицо, осознавая фактические признаки своего действия², в том числе способ его совершения, предвидит и возможность наступления общественно опасных последствий. Причем предвидение общественно опасных последствий в данном случае обусловлено объективными свойствами действия (бездействия) и способом его осуществления, которые в конкретной обстановке создавали возможность наступления этих последствий. При преступной небрежности лицо избирает такой способ осуществления действия, при котором не предвидит наступления общественно опасных последствий. Но в то же время, исходя из объективных свойств деяния, с учетом конкретной обстановки лицо могло и должно было предвидеть наступление этих последствий. Таким образом, способ в неосторожных преступлениях имеет важное значение для отграничения преступной самонадеянности от преступной небрежности, так как избрание виновным того или иного способа осуществления преступного действия всегда свидетельствует о конкретном содержании его сознания и воли.

¹ См.: Дагель П. С. Неосторожное преступление (общая характеристика неосторожного преступления в сфере использования техники) — В кн.: Проблемы борьбы с преступной неосторожностью. — Владивосток, 1978, с. 10—11.

² См.: Дагель П. С., Котов Д. П. Субъективная сторона преступления и ее установление, с. 129.

Итак, способ совершения преступления представляет собой определенный порядок, метод, последовательность движений и приемов, применяемых лицом при совершении умышленных или неосторожных преступлений, сопряженных с избирательным использованием средств совершения преступления. В структуре преступного посягательства способ принадлежит непосредственно общественно опасному, противоправному действию (бездействию), указывает на операционное (динамическое) своеобразие его исполнения. Причем способ имманентен действию (бездействию), скрыт в нем, входит в его содержание, определяя форму внешнего выражения преступления, либо иногда выступает в виде «отдельного» действия, обеспечивающего выполнение основного действия (бездействия) и, находясь с ним в органическом единстве, является приемом (операцией) исполнения последнего.

Глава II. СПОСОБ СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В СТРУКТУРЕ СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ

§ 1. СПОСОБ КАК ПРИЗНАК СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Способ совершения преступления имеет значение для уголовной ответственности, в том числе и для квалификации преступлений, прежде всего тогда, когда он включен в норму Особенной части УК и является обязательным признаком определенного состава преступления. В свою очередь, способ криминализируется, т. е. признается обязательным признаком состава при условии, что он оказывает существенное влияние на социальное свойство преступлений определенного вида — их общественную опасность, или же лежит в основе отграничения данного преступления от других преступлений или от иных деяний, не являющихся преступными, либо является типичным для определенного вида относительно распространенных общественно опасных деяний и т. д.¹ Взятые в совокупности и оцененные с точки зрения задач и эффективности борьбы с соответствующими общест-

¹ О критериях (условиях) криминализации способа подробнее см.: Панов Н. И. Способ совершения преступления и уголовная ответственность. — Харьков: Вища школа, 1982, с. 127—135.

венно опасными деяниями путем признания их преступными и наказуемыми, эти обстоятельства выступают критериями криминализации способа и признания его в качестве обязательного признака состава преступления.

Для описания способа совершения преступления в нормах Особенной части УК законодатель прибегает к различным терминам и словосочетаниям: «путем насилия», «путем обмана», «путем злоупотребления доверием», «сопряженное с насилием» и т. п. Во всех этих случаях в основе словосочетаний, при помощи которых в законе описываются конкретные способы совершения преступления, лежат термины: «путем», «сопряженное с...», «совершенные с...», «соединенные с...» и т. д. Все они характеризуют особенности образа действия лиц, совершающих преступления. Употребление указанных терминов и словосочетаний в диспозициях статей Особенной части УК всегда означает, что способ является обязательным признаком составов этих преступлений, и для их наличия в каждом конкретном случае необходимо установить, что преступление было совершено способом, предусмотренным в законе.

Способ совершения преступления является обязательным признаком состава преступления не только в тех случаях, когда он прямо указан в законе, но и тогда, когда он однозначно вытекает из него. Так, при толковании уголовно-правовых норм Особенной части УК можно заключить, что обязательным признаком состава побоев и истязаний (ст. 107 УК) является такой способ совершения преступления, как физическое насилие; составов угрозы совершить убийство (ст. 100 УК), понуждения женщины к совершению аборта (ст. 110 УК), угрозы или насилия в отношении должностного лица, общественного работника или гражданина, исполняющего общественный долг (ст. 190 УК) и др.— психическое насилие; составов клеветы (ст. 125 УК), заведомо ложного доноса (ст. 177 УК), заведомо ложного показания (ст. 178 УК), сообщения ложных сведений органом загса (ст. 197 УК) и др.— обман; составов злоупотребления властью или служебным положением (ст. 165 УК), превышения власти или служебных полномочий (ст. 166 УК), служебного подлога (ст. 172 УК), заведомо незаконного ареста, задержания или привода (ст. 173 УК), при-

влечения заведомо невиновного к уголовной ответственности (ст. 174 УК) и др.— злоупотребление доверием и т. п. Основанием для вывода о том, что тот или иной способ совершения преступления выступает обязательным признаком соответствующих составов преступлений является анализ и выяснение характера действий, образующих объективную сторону этих преступлений. Характерно, что общественно опасное действие в указанных составах объективно не может быть совершено без соответствующего способа его исполнения. Так, не могут быть причинены побои и истязания без физического насилия, угроза убийством, понуждение женщины к совершению аборта — без психического насилия, клевета, заведомо ложный донос — без обмана, злоупотребление служебным положением — без злоупотребления доверием и т. д. Следовательно, в приведенных случаях способ совершения преступления хотя прямо и не указан в законе, но однозначно вытекает из него при его толковании, и поэтому является обязательным признаком соответствующих конкретных составов преступлений.

В отличие от этого диспозиции некоторых статей Особенной части УК не содержат указаний на способ совершения преступления, последний также не вытекает однозначно из смысла соответствующих норм при их толковании. Так, в ст. 94, 101 (за исключением ч. 2 ст. 101), 102 УК отсутствует характеристика действий, образующих объективную сторону преступлений, предусмотренных в упомянутых нормах, не указаны также способы совершения этих преступлений. Нельзя сделать вывод о способах совершения соответствующих преступлений и путем толкования норм, закрепленных в ст. 94, 101, 102 УК. Например, состав убийства (ст. 94 УК) может быть выполнен при помощи различных действий: путем применения как физического, так и психического насилия, как активных, так и пассивных действий¹, для которых (за исключением убийства при отягчающих обстоятельствах — п. «е» ст. 93 УК) не требуется какой-либо строго определенный способ. Точно так же умышленное тяж-

¹ См.: Бородин С. В. Квалификация преступлений против жизни.— М.: Юрид. лит., 1977, с. 33—34; Сташис В. В., Бажанов М. И. Преступления против личности в УК УССР и судебной практике.— Харьков: Вища школа, 1981, с. 7.

кое телесное повреждение, телесные повреждения средней тяжести могут быть причинены действиями, совершаемыми различным образом: путем физических (механических, электрических, термических, температурных, биологических и т. п.) воздействий, химическим путем, путем психического воздействия¹. Из этого следует, что способ совершения преступлений, предусмотренных ст. 101, ч. I ст. 102 УК, для решения вопроса о наличии или отсутствии состава преступления значения не имеет. Следовательно, в названных составах способ не является обязательным признаком. Преступность и наказуемостьмышленных тяжкого и средней тяжести телесных повреждений связываются не со способом совершения преступлений, а ставятся в зависимость от степени, размера вреда, причиненного здоровью другого человека. Так же решается вопрос о способе совершения преступления и применительно к некоторым другим посягательствам (например, ст. 95—98, 103—106 УК и др.). Изложенное позволяет заключить, что тот или иной способ совершения преступления для одних составов обязателен, т. е. прямо указан в законе либо однозначно вытекает из его смысла, а для некоторых других не обязателен. Следовательно, способ совершения преступления в пределах общего понятия состава преступления является не обязательным, а факультативным признаком. Это означает, что способ выступает в качестве признака не всех конкретных составов преступлений, так как он может быть и не указан в нормах Особенной части УК. Такое мнение о месте способа совершения преступления в системе признаков общего понятия состава преступления разделяет большинство криминалистов².

¹ См.: Дубовец П. А. Ответственность за телесные повреждения по советскому уголовному праву.— М.: Юрид. лит., 1964, с. 20; Загородников Н. И. Преступления против здоровья.— М.: Юрид. лит. 1969, с. 20—24.

² Курс советского уголовного права: Часть Общая.— Л.: Изд-во ЛГУ, 1968, т. 1, с. 265, 314; Курс советского уголовного права: Часть общая.— М.: Наука, 1970, т. 2, с. 98, 147—148; Трайнин А. Н. Общее учение о составе преступления.— М.: Госюриздат, 1957, с. 132—133, 180—183; Кудрявцев В. Н. Способ совершения преступления и его уголовно-правовое значение.— Сов. гос-во и право, 1957, № 8, с. 61—62; Трайнин Я. М. Уголовная ответственность и ее основания в советском уголовном праве, с. 184—187; Карпушин М. П., Курляндский В. И. Уголовная от-

В отличие от этого некоторые авторы относят способ не к факультативным, а к обязательным признакам состава преступления. Так, Г. Г. Зуйков полагает, что способ совершения преступления является обязательным признаком состава (общего понятия состава) преступления¹. С данным решением, однако, согласиться нельзя, так как автор критикуемой позиции отождествляя действие (бездействие) и способ совершения преступления, приходит к логически непоследовательному выводу, что «действие — бездействие» может рассматриваться как достояние Общей части теории уголовного права, приобретающее в Особенной части конкретную форму уголовно-наказуемых способов посягательства на ту или иную группу общественных отношений. Отсюда делается вывод, что в тексте диспозиции статьи Особенной части УК законодатель описывает не действие (бездействие) и способ совершения преступления, а более или менее подробно раскрывает содержание способов посягательств путем указания той или иной совокупности их признаков, имеющих уголовно-правовое значение². Такой подход не соответствует устоявшейся в теории уголовного права трактовке действия (бездействия) и способа совершения преступления, их места в структуре состава преступления, соотношения конкретных составов преступлений, описанных в нормах Особенной части УК и общего понятия состава преступления, и поэтому не может быть приемлемым.

Выступая в качестве факультативного признака общего понятия состава преступления (по терминологии М. П. Карпушина и В. И. Курляндского — «специального признака»³), способ совершения преступления в то же время во многих случаях точно обозначен в нормах Особенной части УК. В таких случаях он приобретает значение конститутивного признака соответствующего кон-

ветственность и состав преступления.— М.: Юрид. лит., 1974, с. 178—179 и др.

¹ См.: Зуйков Г. Г. К вопросу об уголовно-правовом понятии и значении способа совершения преступления.—Труды ВШ МВД СССР, 1969, вып. 24, с. 38.

² См.: Зуйков Г. Г. Криминалистическое учение о способе совершения преступления: Автореф. дис... д-ра юрид. наук.— М.: 1970, с. 15—16.

³ Карпушин М. П., Курляндский В. И. Уголовная ответственность и состав преступления.— М.: Юрид. лит., 1974, с. 179.

кретного состава преступления, и его установление является необходимым условием для наличия состава преступления как основания уголовной ответственности.

В составе преступления способ всегда принадлежит общественно опасному действию, выступает в качестве одного из важнейших его признаков. Он в известной мере конкретизирует действие, придает ему качественную определенность. При этом способ в составе преступления может различным образом соотноситься с действием. В одних случаях он внутренне присущ действию, образует его содержание, «скрыт» в нем, свидетельствует об операционном своеобразии исполнения действия. В других — способ выступает в виде отдельного действия по отношению к основному действию, которое является обязательным признаком состава преступления. Например, насилие, не опасное для жизни и здоровья потерпевшего, либо угроза применения такого насилия в составе хищения государственного или общественного имущества путем грабежа — ч. 2 ст. 82 УК, обман и злоупотребление доверием в составе мошенничества — ст. 143 УК, физическое насилие, угроза, использование беспомощного состояния потерпевшей в составе изнасилования — ст. 117 и др. Способ здесь образует такое действие (бездействие), которое при известных условиях может быть признано в качестве самостоятельного акта волевого поведения человека, а иногда и в качестве самостоятельного преступления. Так, физическое насилие при изнасиловании может быть признано в качестве преступления, предусмотренного ст. 102, либо ст. 106, или ст. 107 УК, обман при мошенничестве, заключающийся в использовании заведомо подложного документа, как преступление, предусмотренное ч. 2 ст. 194 УК и т. п. Но во всех этих случаях способ не есть нечто самостоятельное, отдельно стоящее от действия как составной части объективной стороны состава преступления, а является одним из важнейших признаков, характеризующих качественное своеобразие исполнения этого действия. «Отдельность» способа, как видно, весьма условна. Он выступает в качестве приема, обеспечивающего исполнение действия, образующего объективную сторону соответствующего преступления. Таким образом, способ является дополнительным, вспомогательным действием, обеспечивающим осуществление основного действия, об-

разуется с ним разновидность сложного действия. Из этого вытекает, что способ в сложном действии представляет собой элемент структуры, т. е. часть сложного действия, и в пределах последнего выполняет свойственную ему функцию — обеспечивает исполнение основного действия, с которым он внутренне связан и образует с ним неразрывное единство.

Сложное действие вместе с образующим его основным и дополнительным действием, т. е. способом совершения преступления, является особым, специфическим актом преступного поведения, который, по общему правилу, характеризуется повышенной общественной опасностью. Сложное действие как признак состава преступления лежит в основе так называемых составных преступлений, которые, в частности, выступают в виде особой и достаточно распространенной формы закрепления в законе способа совершения преступления. Следует иметь в виду, что составные преступления — это преступления, заключающиеся из нескольких разнородных действий, из которых каждое в отдельности включает в себе состав самостоятельного преступления, но которые в силу их внутреннего единства рассматриваются как одно преступление¹. При этом, здесь имеет место не механическое соединение разнородных актов поведения человека, а закрепление в законе сложного действия, состоящего из двух или более неразрывно связанных действий, одно из которых выполняет функцию способа совершения преступления. Таким образом, составное преступление — не плод произвольного усмотрения законодателя, а отражение и юридическое закрепление в законе общественно опасных посягательств, сочетание и органическое единство которых в одном акте преступного поведения носит характер устойчивой повторяемости (закономерности).

Для составного преступления характерно прежде всего то, что каждое из деяний, его составляющих, в том числе и способ совершения преступления, если рассматривать их изолированно, вне пределов составного преступления, представляют собой самостоятельные преступления, предусмотренные различными нормами Особенной части УК. Но в силу их внутреннего единства и взаи-

¹ См.: Пионтковский А. А. Учение о преступлении.— М.: Госюриздат, 1961, с. 646.

мосвязи они объединены в одно составное преступление. В литературе обоснованно отмечается, что составные преступления являются особым случаем учтенной законом совокупности преступлений¹. Кроме того, каждое из деяний, образующих составное преступление, если рассматривать их как самостоятельные преступления, посягают на различные, самостоятельные и присущие им объекты уголовно-правовой охраны. Следовательно, составные преступления причиняют вред не одному, а нескольким видам общественных отношений. Такие преступления относят к преступлениям с двумя объектами (двухобъектные преступления) и по данному признаку (наличие двух объектов) проводят их отличие, в частности, от простых однообъектных преступлений². Таким образом, составные преступления, по общему правилу, представляют повышенную общественную опасность, поскольку виновный совершает не одно, а два или более общественно опасных деяний, признаваемых преступлениями, при этом вред причиняется не одному, а двум или более объектам уголовно-правовой охраны. Ввиду этого конструкция составного преступления, как справедливо отмечает Ю. И. Ляпунов, дает возможность точнее учесть совокупную степень общественной опасности и выразить ее в санкции уголовно-правовой нормы³.

Отметим, что не всякое сложное действие, состоящее из основного и вспомогательного действия, т. е. способа совершения преступления, может образовывать составное преступление. Последнее имеет место лишь тогда, когда каждое из действий, его образующих, в том числе и способ совершения преступления, посягает на присущий ему объект и предусмотрено в качестве самостоятельного преступления в различных нормах УК. Если же способ даже выступает как отдельное действие, но не предусмотрен в качестве самостоятельного простого преступления в нормах Особенной части УК, то нельзя говорить, что такое вспомогательное действие в сочета-

¹ См.: Галиакбаров Р., Ефимов М., Фролов Е. Множественность преступных деяний как институт советского уголовного права.— Сов. юстиция, 1967, № 2, с. 6.

² См.: Погребняк И. Квалификация составных преступлений.— Сов. юстиция, 1970, № 13, с. 24.

³ См.: Ляпунов Ю. И. Квалификация составных (сложных) преступлений.— Соц. законность, 1982, № 1, с. 48.

нии с основным действием образует составное преступление. Так, не является составным преступлением мошенничество, ибо в нормах УК специально не установлена ответственность за обман и злоупотребление доверием, выступающие способами данного преступления. Здесь имеет место иное, без использования составного преступления закрепление способа совершения преступления в качестве обязательного признака состава преступления.

Характеристика способа совершения преступления в законе может быть различной. Иногда в диспозициях норм Особенной части УК содержится указание только на один определенный способ совершения преступления, например, побег заключенного, соединенный с насилием над стражей,— ч. 2 ст. 183 УК. В большинстве же случаев предусматривается несколько возможных (альтернативных) способов совершения преступления, причем их перечень исчерпывающий и дополнению в процессе применения закона не подлежит. Так, способами мошенничества являются обман или злоупотребление доверием (ст. 143 УК); способами разбоя — насилие, опасное для жизни или здоровья лица, подвергшегося нападению, или угроза применения такого насилия (ст. 142 УК), способами изнасилования — применение физического насилия, угрозы или использование беспомощного состояния потерпевшей (ст. 117 УК) и т. п. Исходя из такой конструкции уголовно-правовых норм, действие (бездействие) признается преступным и наказуемым лишь тогда, когда оно совершено одним из способов, указанных в законе. В то же время практическая ценность такого решения состоит в том, что для наличия состава соответствующего преступления (при всех других условиях) достаточно установить факт совершения преступления одним из способов, предусмотренных альтернативно в диспозиции статьи. Возможно также сочетание двух или более способов, указанных в законе. Так, при разбойном нападении с целью завладения государственным или общественным имуществом угроза применения насилия, опасного для жизни или здоровья, к лицу, подвергшемуся нападению, может завершиться применением физического насилия, обман при мошенничестве может сочетаться со злоупотреблением доверием и наоборот.

В ряде норм УК имеет преимущество такая формулировка, при которой указывается не исчерпывающий, а примерный перечень способов совершения преступления, сочетающийся с обобщающим родовым термином. Например, уклонение военнообязанного от учебных или проверочных сборов и воинского учета путем причинения себе какого-либо повреждения (членовредительство), симуляции болезни, подлога документов или иного обмана (ч. 2 ст. 192 УК), умышленное уничтожение или повреждение личного имущества граждан, совершенное путем поджога или иным общеопасным способом (ч. 2 ст. 145 УК), и т. п. При такой законодательной конструкции признаки конкретных способов, содержащихся в примерном перечне, способствуют выяснению существенных признаков тех способов, которые прямо не указаны в законе, но обозначены при помощи обобщающего термина. В то же время все конкретные способы, предусмотренные в примерном перечне, должны обладать признаками способов, обозначенных обобщающим термином.

Указание в законе перечня (исчерпывающего либо примерного) способов совершения преступления обеспечивает более четкое, точное описание в диспозиции нормы признаков общественно опасного действия (бездействия), более рельефно подчеркивает его общественную опасность. Перечневая (альтернативная) система описания в законе способов совершения преступления позволяет выделить так называемый альтернативный состав. Под ним понимают такие случаи, когда в основе соответствующего преступления лежат альтернативные действия или альтернативные последствия либо другие альтернативные признаки, относящиеся к способу, месту, времени, обстановке совершения преступления и т. п.¹ Некоторые ученые, однако, признают альтернативные составы не во всех случаях и считают, что если в законе альтернативно указывается ряд признаков, например, различные способы действия, установление одного из которых достаточно для признания в содеянном составе преступления, то имеет место не альтернативный состав, а альтернативная диспозиция уголовно-правовой нормы, содержащая несколько различных соста-

¹ Трайнин А. Н. Общее учение о составе преступления.— М.: Госюриздат, 1957, с. 109—110.

во в преступлений¹. Думается, что такое решение ведёт к противопоставлению диспозиции уголовно-правовой нормы и состава преступления, не учитывает возможности множества форм проявления общественноопасного поведения человека, предусмотренного в обобщенном виде в одной и той же норме УК, посягающего на одну и ту же группу общественных отношений и образующего в силу существенного сходства форм этого поведения один и тот же состав преступления. Кроме того, следует иметь в виду, что причинение вреда объекту уголовно-правовой охраны может быть осуществлено не одним, а несколькими способами, каждый из которых выступает лишь в роли признака состава, но не заменяет его. Концепция множественности составов в случаях нормы с альтернативными признаками, отмечает В. П. Малков, ведёт к искусственному признанию множественности преступлений там, где имеет место одно преступление, в основе которого лежат альтернативные действия, и т. п.²

В основе альтернативных составов могут лежать не только способы, но и альтернативные действия. Речь идет о тех случаях, когда в диспозиции уголовно-правовой нормы предусмотрено не одно, а несколько действий, которые, в известной мере различаясь по форме внешнего выражения, в то же время обладают такими существенными чертами (признаками) сходства, которые позволяют объединять их в пределах одного и того же состава. Так, в составах «действия, дезорганизирующие работу ИТУ» (ст. 69¹), «массовые беспорядки» (ст. 71), «нарушение правил о валютных операциях» (ст. 80 УК) и др. предусмотрено в альтернативе не одно, а несколько действий, совершение каждого из которых образует объективную сторону одного и того же состава преступления.

Однако в литературе такие альтернативные признаки объективной стороны иногда рассматривают не как действия, а как способы совершения преступления. Так, по мнению Я. М. Брайнина, в составе измены родине альтернативно указаны способы совершения преступле-

¹ Кудрявцев В. Н. Общая теория квалификации преступлений. М.: Госюриздат, 1963, с. 97.

² Малков В. П. Совокупность преступлений.— Казань, 1974, с. 111.

ния¹. Г. И. Вольфман и Г. Л. Кригер полагают, что обмороживание, обвешивание, превышение установленных розничных цен... являются способами обмана покупателей². С. В. Трофимов считает, что в составе занятия запрещенным промыслом изготовление, переработка или хранение для сбыта и сам сбыт в виде промысла продуктов, материалов и изделий, относительно которых имеется специальное запрещение, являются конкретными способами осуществления данного преступления³. Несовершенство этой позиции обусловлено, думается, тем, что здесь не учитывается соотношение действия как признака объективной стороны преступления и способа его совершения. Функциональное назначение способа состоит в том, что он выступает приемом, условием, обеспечивающим исполнение действия (бездействия). В названных же составах указанные в законе отдельные действия такого назначения не имеют. Они выступают в качестве видовых действий составов преступлений, лежат в основе различных форм проявления одного и того же преступления.

Важно учитывать, что при конструировании уголовно-правовых норм способ совершения преступления различным образом включается в перечень обязательных признаков состава преступления. Иногда он выступает в качестве конструктивного признака простого состава преступления. В таких случаях он является не только одним из фактических признаков, посредством которого данное общественно опасное деяние определяется в законе как преступное и наказуемое, но и признаком, характеризующим типичные (типовые) социальные свойства преступления — характер и степень его общественной опасности. Так, тайное похищение государственного, общественного или личного имущества при краже (ст. 81 ч. 1, 140 ч. 1 УК), открытое — при грабеже (ст. 82 ч. 1, 141 ч. 1 УК), применение физического насилия, угрозы таким насилием, использование беспомощного состояния потерпевшей при изнасиловании (ст. 117 ч. 1 УК) свидетельствуют о характере и

¹ Брайнин Я. М. Уголовная ответственность и ее основание в советском уголовном праве.— М.: Юрид. лит., 1963, с. 183.

² См.: Вольфман Г. И. Квалификация преступлений против советской торговли.— Саратов, 1977, с. 80; Курс советского уголовного права: Часть Особенная.— М.: Наука, 1971, т. 5, с. 496.

³ См.: Трофимов С. В. Борьба с запрещенным промыслом в Украинской ССР.— Киев, 1975, с. 32.

степени общественной опасности названных преступлений, что находит отражение в наказании, установленном за эти преступления.

Нередко способ является квалифицирующим, отягчающим ответственность обстоятельством и образует к в а л и ф и ц и р о в а н н ы й (особо квалифицированный) состав преступления. Способ здесь всегда указывает на повышенную (по сравнению с простым составом) общественную опасность преступления. Наиболее часто в качестве квалифицирующего обстоятельства выступают физическое насилие, угроза, обман, общеопасный способ, оружейные способы и др. Эти способы всегда достаточно эффективны в достижении преступной цели, действия, совершаемые ими, характеризуются большей интенсивностью, большей опасностью (вредностью), они причиняют либо способны причинить тяжкий (особо тяжкий) вред объекту уголовно-правовой охраны, или обеспечивают причинение вреда не только основному, но и дополнительному объектам или же многим объектам одновременно. Это, в частности, и обуславливает необходимость построения квалифицированных (особо квалифицированных) составов, включения в них в качестве обязательных признаков определенных способов совершения преступлений и установления за данные преступления, соответственно, более строгих наказаний.

В некоторых случаях способ лежит в основе построения специальных норм. Так, наряду со ст. 94 УК, предусматривающей ответственность за умышленное убийство, в ст. 93 сформулирована также и специальная норма, в п. «е» которой установлена уголовная ответственность за умышленное убийство, совершенное с особой жесткостью или способом, опасным для жизни многих лиц. Специальные нормы, в том числе и те, которые выделены с учетом способа совершения преступления, своим целевым назначением имеют дальнейшую дифференциацию уголовной ответственности, более точное и четкое регулирование общественных отношений¹ и поэтому их наличие к УК является оправданным.

¹ О понятии и функциях специальных норм в уголовном праве подробно см.: Свидлов Н. М. Специальные нормы в уголовном праве: Автореф. дис... канд. юрид. наук.—М., 1979; он же: Специальные нормы и квалификация преступлений следователем.— Волгоград, 1981.

Для описания в диспозициях норм Особенной части УК способа совершения преступления и других признаков состава, законодатель, как правило, прибегает к понятиям точного значения. Эти понятия характеризуются четкостью, определенностью, их содержание строго фиксировано. Они обладают основными существенными признаками, выяснение которых позволяет устанавливать их объем и содержание, а следовательно, и правильно применять закон. Смысловое значение таких, например, понятий, как «тайное похищение личного имущества граждан» (ст. 140), «обман» (ст. 83), «злоупотребление доверием» (ст. 143), «насилие», «угроза насилем», «использование беспомощного состояния потерпевшей» (ст. 117 УК) и др., может быть выяснено путем использования соответствующих приемов толкования и правил логики.

Однако наряду с понятиями точного значения, в нормах Особенной части УК при описании способа совершения преступления, как и других признаков состава, применяются также оценочные понятия. В отличие от понятий точного значения оценочные понятия характеризуются недостаточной определенностью, отсутствием однозначных, четких, строго фиксированных признаков. Это такие понятия, как «особая жестокость» (п. «е» ст. 93), «жестокое обращение» (ст. 99), «способ, опасный для жизни многих лиц» (п. «е» ст. 93), «общепризнанный способ» (ч. 2 ст. 89, ч. 2 ст. 145), «мучения», «истязания» (ст. 101, 107), «незаконные действия», «издевательство над личностью» (ч. 2 ст. 175 УК) и др. Применение норм, содержащих такие понятия, вызывает значительные трудности, ибо содержание и объем указанных понятий раскрываются и уточняются лишь в отношении конкретного случая, в результате оценочно-познавательной деятельности субъекта, применяющего норму права¹. Поэтому выяснение юридической природы и логико-гносеологических особенностей оценочных понятий, правил их толкования и применения имеет важное теоретическое и практическое значение.

Всякое понятие, включенное в норму уголовного закона в обобщенной форме закрепляет наиболее существенные признаки всех общественно опасных деяний

¹ См.: Брайнин Я. М. Уголовный закон и его применение.— М.: Юрид. лит., 1962, с. 63—64.

данного вида (класса). Оценочным же понятиям свойствен более высокий уровень обобщения, что и вызывает трудности при определении их объема и содержания. Наличие таких понятий в уголовном праве, а также их логико-юридическую природу нередко объясняют необходимостью придания уголовно-правовому регулированию большей полноты, гибкости, динамичности с тем, чтобы уголовный закон мог учитывать все многообразие явлений в их динамике и развитии¹. Думается, однако, что главными обстоятельствами, определяющими логико-гносеологические особенности оценочных понятий и их необходимость в уголовном праве, выступают множественность, сложность и неопределенность тех явлений (объектов, фактов) объективного мира, которые эти понятия призваны отражать.

Указанные особенности объектов, отражаемых в оценочных понятиях, предопределяют и их логико-гносеологическую природу. Эти понятия всегда объединяют широкий круг объектов реальной действительности, формы проявления которых разнообразны. Их содержание характеризуется нечеткостью, неопределенностью. Признаки, образующие содержание оценочных понятий, не исчерпывающи и могут быть дополнены новыми, ранее не известными теории и судебной практике. Оценочные понятия включают в себя качественно-количественную характеристику соответствующих явлений, а также оценку этих явлений с точки зрения их значения (ценности-антиценности) для правоохраняемых интересов, что всегда требует осуществления измерений по шкале порядка «больше — меньше». Все это определяет и особенность оперирования данными понятиями в процессе правоприменительной деятельности, в которой преобладающее значение должны иметь оценочно-познавательная и правоконкретизирующая деятельности².

¹ См.: Ковалев М. И. Оптимальное соотношение формального и оценочного в уголовном законе.—Сов. гос-во и право, 1973, № 11, с. 68—79; Фролов Е. А., Питецкий В. В. Гарантии законности и оценочные понятия в уголовном праве.— Сов. гос-во и право, 1979, № 6, с. 87—91.

² О логико-гносеологической природе оценочных понятий подробнее см.: Панов Н. И. Оценочные понятия и их применение в уголовном праве.— В кн.: Проблемы социалистической законности. Харьков: Вища школа, 1981, вып. 7, с. 99—106.

Изложенное позволяет сделать вывод, что для закрепления способа совершения преступления в нормах Особенной части УК законодатель использует различные приемы законодательной техники, различные термины, прибегает к понятиям точного значения, а иногда и к оценочным понятиям. Это обусловлено многообразием проявления способа в конкретных составах, различным его соотношением с действием (бездействием) как обязательным признаком объективной стороны, объектом и другими элементами состава преступления. Многообразие проявления способа в конкретных составах тем не менее не исключает общего правила, что если способ указан в диспозиции статьи Особенной части УК или же однозначно вытекает из его смысла, то он является обязательным признаком соответствующего состава преступления и его установление, в таком случае, является обязательным для решения вопроса о наличии оснований уголовной ответственности конкретного лица и правильной квалификации преступления, им совершенного.

§ 2. СПОСОБ И ЭЛЕМЕНТЫ СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ (СООТНОШЕНИЕ И ВЗАИМОСВЯЗЬ)

Способ совершения преступления находится в неразрывной связи и взаимозависимости с объектом, объективной стороной, субъектом и субъективной стороной как элементами состава преступления. Установление данной связи и взаимозависимости имеет важное значение для более глубокого изучения способа как признака состава преступления, для выяснения его уголовно-правового значения, а также установления особенностей закрепления способа в нормах УК, и, наконец, для правильной квалификации преступлений.

Всякое преступление, как известно, посягает на объект уголовно-правовой охраны и в то же время определяется им. «Вред, ущерб охраняемому уголовным законом объекту,— писал Б. С. Никифоров,— может быть причинен не любыми, а только определенными действиями, характер которых определяется свойствами самого объекта¹». Отсутствие же объекта всегда будет свидетельствовать и об отсутствии преступления, а также и спо-

¹ См.: Никифоров Б. С. Объект преступления.— М., 1960, с. 137.

соба его совершения. Отсюда следует, что для признания способа в качестве признака состава преступления необходимо, чтобы этот способ (физическое насилие, психическое насилие, обман, злоупотребление доверием и др.) был неотъемлемым компонентом такого действия (бездействия), которое посягает на охраняемые уголовным законом социалистические общественные отношения, т. е. причиняет им существенный вред или же ставит их в опасность причинения такого вреда.

Связь и взаимозависимость способа и объекта преступления выражается прежде всего в детерминированности (обусловленности) способа объектом преступления. При совершении преступления субъект применяет такие приемы и методы воздействия на объект (т. е. действует таким способом), которые в конечном счете обусловлены особенностями объекта, диктуются, определяются им. Б. С. Никифоров писал, что «ввиду характера объекта вред ему может быть причинен только определенным способом¹». Развивая это положение, В. Н. Кудрявцев указывает, что «посягательство на некоторые общественные отношения может быть совершенно лишь ограниченным кругом способов²». Вместе с тем эта связь в пределах состава преступления носит и иной характер — способ всегда выступает в качестве «средства» осуществления преступного посягательства на соответствующий объект, он «обеспечивает» выполнение действия (бездействия), образующего объективную сторону преступления. Такая связь способа и объекта преступления по общему правилу носит не непосредственный, а опосредствованный характер, — способ соотносится с объектом через действие (бездействие), выполнение которого он и обеспечивает. Эта связь является непосредственной лишь в том случае, если способ выступает в виде «отдельного» действия «вспомогательного» характера, обеспечивающего осуществление «основного» действия (бездействия) и ему соответствует определенный объект. Посредством выполнения деяния, являющегося способом совершения преступления и причинения вреда присущему ему объекту, осуществляется ос-

¹ См.: Никифоров Б. С. Объект преступления.— М., 1960, с. 137.

² См.: Кудрявцев В. Н. Теоретические основы квалификации преступлений.— М.: Госюриздат, 1963, с.

новное действие (бездействие), которое образует объективную сторону преступления и посягает на основной объект.

Соотношение способа и объекта преступления может быть рассмотрено также применительно к общему, родовому и непосредственному объектам. Общим объектом, как известно, признается вся совокупность социалистических общественных отношений, охраняемых советским уголовным законом от преступных посягательств¹. Под родовым объектом понимается группа однородных, взаимосвязанных общественных отношений, которым свойственны общие или тождественные признаки и которые охраняются, в силу этого, единым комплексом уголовно-правовых норм². Непосредственный объект — это то конкретное общественное отношение, на которое посягает преступление и которое вследствие этого специально ставится под охрану уголовного закона³. Думается, что соотношение способа с общим и родовым объектами преступления может анализироваться главным образом в плане установления детерминирующего воздействия этих объектов на способ совершения преступления, поскольку данные объекты определяют общественно опасный характер многих (или же определенной группы) деяний, признаваемых преступлениями. В отличие от этого непосредственный объект определяет общественно опасный характер, индивидуальные социальные и фактические (объективные и субъективные) признаки конкретного преступления, в том числе и способ его совершения. В то же время связь способа и непосредственного объекта может рассматриваться с целью выяснения характера и особенностей негативного разрушающего воздействия преступного посягательства, осуществляемого определенным способом, на объект. Анализ такого соотношения имеет важное значение для установления механизма причинения вреда объекту уголовно-правовой охраны, для правильной квалификации преступлений.

¹ См.: Советское Уголовное право: Общая часть.— М.: Изд-во МГУ, 1981, с. 117.

² См.: Советское Уголовное право: Общая часть.— М.: Юрид. лит., 1977, с. 112.

³ См.: Советское Уголовное право: Часть общая.— М.: Юрид. лит., 1972, с. 110.

По общему правилу выполнение определенным, указанным в законе, способом действия (бездействия) причиняет вред непосредственному объекту или же ставит его в опасность причинения такого вреда. Так, тайно похищая личное имущество граждан, причиняя тяжкое телесное повреждение способом, носящим характер мучения или истязания, лишая потерпевшего жизни способом, опасным для жизни многих лиц, или с особой жестокостью, виновный совершает преступное действие указанными способами и причиняет таким образом вред соответствующим объектам уголовно-правовой охраны. Такая ситуация имеет место тогда, когда способ имманентен действию, образует его содержание, «скрыт» в нем, указывает на особенности приемов и методов, применяемых виновным при выполнении соответствующего преступного действия (бездействия).

Иначе соотносятся способ совершения преступления и непосредственный объект в том случае, когда способ выступает в виде «отдельного» действия, обеспечивающего выполнение основного действия (бездействия). Здесь способ, как правило, лишь «создает объективные условия», т. е. реальную возможность причинения вреда непосредственному объекту основным действием, входящим в структуру «сложного действия» как признака объективной стороны преступления. Например, при мошенничестве виновный путем обмана вводит потерпевшего в заблуждение, что выступает необходимым условием (приемом) завладения имуществом потерпевшего и причинения вреда личной собственности (ст. 143 УК). Точно так же угроза насилием является «средством», обеспечивающим причинение вреда отношениям государственной или общественной собственности при хищении путем грабежа (ч. 2 ст. 82 УК) и разбое с целью хищения государственного или общественного имущества (ст. 86 УК). Применяя психическое насилие, виновный подавляет возможное или действительное сопротивление потерпевшего, направленное на удержание имущества, либо воспрепятствование его похищению.

В большинстве случаев преступления причиняют вред одному непосредственному объекту (например, тяжкое, средней тяжести, легкое телесное повреждение — здоровью, убийство — жизни человека). Но немало и таких преступлений, которые причиняют вред или же создают

опасность его причинения одновременно нескольким общественным отношениям, каждое из которых охраняется различными нормами Особенной части УК и может быть признано в качестве самостоятельного непосредственного объекта (например, разбой посягает как на собственность, так и на здоровье человека). В таких случаях имеет место два или более непосредственных объектов (многообъектность), значение которых в пределах одного и того же состава преступления неодинаково. Различно и соотношение способов совершения преступления с этими непосредственными объектами.

Причинение ущерба одновременно нескольким непосредственным объектам, при прочих равных условиях, существенно повышает общественную опасность деяния и в силу этого оказывает влияние на квалификацию преступления и назначение наказания. Выясняя соотношение этих непосредственных объектов, необходимо исходить из того, что они не равнозначны, один из них основной, другой же (другие) — дополнительный.

Основной непосредственный объект — это то конкретное общественное отношение, на которое посягает преступление и которое законодатель, создавая норму, стремился поставить под охрану уголовного закона. Данный объект соотносится с родовым объектом как часть и целое, он определяет сущность преступления, его объективные и субъективные признаки, содержание его общественной опасности, расположение соответствующей нормы в той или иной главе УК. Дополнительный же объект — это такое общественное отношение, которое, заслуживая самостоятельной уголовно-правовой охраны, дополняет основной объект и защищается в данном случае уголовным законом наряду с ним, так как он нарушается или ставится в опасность нарушения при посягательстве на основной объект. Дополнительный объект не оказывает определяющего влияния на характер соответствующего преступления и лежит, как правило, в плоскости другого (по сравнению с основным непосредственным объектом) родового объекта.

В пределах дополнительного объекта могут быть выделены такие общественные отношения, которые всегда, во всех случаях нарушаются или же ставятся в опасность нарушения при посягательстве на основной объ-

ект (например, хищения с неизбежностью нарушают не только отношения социалистической собственности, но и отношения по распределению материальных благ). Вместе с тем некоторые общественные отношения, выступающие дополнительным объектом, не всегда, не обязательно, но в то же время достаточно часто (как закономерность) нарушаются или ставятся в опасность нарушения при совершении соответствующего преступления. Так, хулиганство, посягая на общественный порядок, может причинить вред также личности (чести, достоинству, телесной неприкосновенности, здоровью), собственности (государственной, общественной, личной). Однако и собственность и личность не всегда, не обязательно подвергаются опасности причинения вреда при хулиганстве. Таким образом, дополнительный объект может быть подразделен на два вида: на обязательный (т. е. всегда, во всех случаях нарушаемый при посягательстве на основной объект) и факультативный (не всегда, не во всех случаях нарушаемый при совершении данного преступления), или, по терминологии И. Н. Данышина, на «дополнительно-обязательный» и «дополнительно-факультативный» непосредственные объекты¹.

Отметим, что общественное отношение, выступающее в качестве непосредственного объекта, иногда имеет сложную структуру и включает в себя другие виды общественных отношений, которые могут быть признаны в качестве одного из дополнительных объектов.

В отличие от ранее рассмотренной схемы соотношения непосредственных объектов: основной — дополнительный, когда каждый из них является «самостоятельным» объектом преступления, в данном случае общественные отношения, образующие непосредственный объект, находятся в неразрывном единстве. Связь и взаимозависимость общественных отношений указывает на то, что здесь имеет место сложный объект. Данный объект характеризуется тем, что, имея свое собственное содержание, он в то же время включает в себя в виде структурных компонентов и другие общественные отно-

¹ См.: Данышин И. Н. Уголовно-правовая охрана общественного порядка.—М.: Юрид. лит., 1973, с. 146—147; он же: Ответственность за хулиганство по советскому уголовному праву.—Изд-во Харьков. ун-та, 1971, с. 43—45.

шения. Последние являются составной частью, «элементом» указанного сложного объекта, находятся с ним в отношении субординации, подчинены ему. Например, нормальная деятельность органов милиции и народных дружинников по охране общественного порядка как объект преступления включает в себя жизнь (ст. 190—1 УК), здоровье и телесную неприкосновенность (ст. 188—1 ч. 2 УК), честь и достоинство личности (ст. 189—1 УК).

Подобные виды общественных отношений в их сочетании представляют собой сложные структурные образования, выступающие в виде единых, целостных общественных отношений — сложных объектов. Причем, в пределах каждого сложного объекта могут быть выделены такие виды общественных отношений, которые, находясь в неразрывном единстве (в отношении подчинения) с основным непосредственным объектом, обладают, применительно к соответствующему составу преступления, свойствами дополнительного (обязательного либо факультативного) объекта.

Изложенное позволяет заключить, что среди нескольких общественных отношений, которые терпят ущерб от преступного посягательства (или же ставятся в опасность причинения ущерба) и поэтому ставятся под охрану уголовного закона путем установления в соответствующей статье Особой части УК уголовной ответственности за деяния, посягающие на эти общественные отношения, следует выделять основной и дополнительный (обязательный либо факультативный) непосредственные объекты, а также сложный объект как вид основного непосредственного объекта¹. Способ совершения преступления различным образом соотносится с

¹ В теории уголовного права предлагались и иные классификации непосредственных объектов. Так, Е. А. Фролов предлагал выделять основной, дополнительный и факультативный непосредственные объекты (см.: Фролов Е. А. Спорные вопросы общего учения об объекте преступления. — Сб. уч. тр. Свердловск. юрид. ин-та. 1969, вып. 9, с. 211—216). В отличие от этого П. В. Замосковцев полагает, что если преступление посягает одновременно на несколько непосредственных объектов, то в этих случаях всегда имеет место единый «суммарный» либо «комплексный» непосредственные объекты (см. Замосковцев П. В. О многообъектности преступных посягательств. — В кн.: Проблемы борьбы с преступностью. — Омск, 1978, с. 8).

этими объектами. Если преступление помимо основного объекта причиняет вред также и дополнительному объекту, то способ, выступающий в виде «отдельного» действия (бездействия), непосредственно причиняет вред этому дополнительному объекту и является в таком случае необходимым «средством» (приемом, операцией) причинения вреда основному объекту. Так, при насильственном грабеже (ч. 2 ст. 141 УК) насилие, не опасное для жизни или здоровья потерпевшего, посягающее на телесную неприкосновенность, либо здоровье потерпевшего (дополнительный объект), является способом причинения вреда основному непосредственному объекту — личной собственности. Причем, и основной и дополнительный объекты в данном случае объединены актом преступного посягательства (сложным действием), которое в конечном счете направлено на причинение вреда основному объекту.

Необходимо учитывать, что дополнительный объект (конечно, в сочетании с основным) во многом определяет способ совершения преступления, обуславливает особенности закрепления его в уголовно-правовой норме. Так, если дополнительному (обязательному) объекту в структуре преступного посягательства соответствует определенное («самостоятельное») действие, являющееся способом совершения преступления, то данный способ с необходимостью включается в норму УК в качестве обязательного признака состава преступления, что, по общему правилу, находит выражение в построении составных преступлений. В частности, если такими дополнительными объектами выступают здоровье человека либо телесная неприкосновенность личности, и им соответствуют физическое насилие, либо угроза насилием, выполняющие функцию способов совершения преступления, то законодатель конструирует так называемые «составные насильственные преступления». В отличие от этого дополнительно-факультативный объект, даже если ему соответствует определенный способ в виде «отдельного» действия, не может обусловить включение этого способа в диспозицию статьи УК, ибо сам этот объект может и не нарушаться данным посягательством.

Роль способа в причинении вреда сложному объекту может быть также различной. Если в структуру этого

объекта входит дополнительно- обязательный объект, то посягательство на этот объект выступает способом причинения вреда сложному объекту. При этом причинение вреда дополнительному объекту в таком случае всегда соединено с причинением вреда сложному объекту. Так, превышение власти или служебных полномочий, сопряженное с насилием, выражающемся, например, в нанесении потерпевшему легких или средней тяжести телесных повреждений (ч. 2 ст. 166 УК), причиняет вред здоровью человека (дополнительный объект), что свидетельствует и об одновременном причинении вреда сложному объекту в целом — нормальной деятельности советского государственного аппарата. При чем способ, выступающий в виде отдельного действия, по общему правилу, включается в норму УК в качестве обязательного признака состава преступления. Если же в структуру сложного объекта входит дополнительно- факультативный объект, то способ, ему соответствующий, не находит отражения в законе. Так, дополнительно- факультативным объектом хулиганства, как отмечалось, является здоровье человека. Но с учетом того, что данный объект может ставиться, но может и не ставиться в опасность причинения вреда при посягательстве на общественный порядок, то способ, ему соответствующий, — физическое либо психическое насилие, не включен в диспозицию ст. 206 УК в качестве признака данного преступления.

Способ совершения преступления находится в неразрывной связи с дополнительным (обязательным либо факультативным) объектом при посягательстве на основной объект и в тех случаях, когда он не образует «отдельного» действия вспомогательного характера в пределах объективной стороны преступления. Здесь способ, составляя содержание преступного действия (бездействия), обуславливает причинение вреда одновременно как основному, так и дополнительному объектам. Например, при обмане покупателей (ст. 155 УК), обмане заказчиков (ст. 155—1 УК), обман, как способ совершения данных преступлений, обуславливает причинение вреда не только интересам советской торговли, бытового и коммунального обслуживания населения (основные объекты), но и имущественным интересам советских граждан (дополнительный объект). Особенности меха-

низма нарушения указанных объектов объясняются как наличием тесной связи и взаимозависимости (переплетения) общественных отношений, так и особенностями способа, применение которого при совершении преступления влечет причинение вреда не только основному, но и дополнительному объектам. При этом последние «объединены» актом преступного посягательства и, таким образом, находятся, применительно к конкретному преступлению, в неразрывном единстве.

Способ тесно взаимосвязан и с предметом преступления. Как и объект преступления, предмет выступает одной из детерминант способа совершения преступления. Способы, обусловленные предметом преступления (исключение предметов из сферы общественных отношений как объекта уголовно-правовой охраны, преступное обращение с предметами, изготовление предметов¹), по общему правилу, совпадают с преступным деянием, образуют его содержание, внутренне присущи ему и потому не всегда указываются в законе. Объясняется это, в частности тем, что связь способа и предмета находит выражение в конечном счете в связи способа с объектом преступления. Известно, что в социальных свойствах предметов проявляются те общественные отношения, которые существуют по поводу и в связи с этими предметами. В то же время те или иные социальные свойства предметов указывают на особенности (характер) объекта. Поэтому, анализируя связь способа и предмета, мы в итоге всегда приходим к констатации связи способа и объекта, что было рассмотрено выше. Следовательно, связь способа и предмета в пределах состава преступления не имеет самостоятельного, наряду со связью способа с объектом, значения, является, в известной мере, лишь ее видом (подвидом). Вместе с тем, установление данной связи будет способствовать более глубокому выяснению связи способа и объекта, объекта и объективной стороны преступления в целом.

Следует учитывать, что вопрос о связи способа и предмета преступления возникает лишь тогда, когда предмет является обязательным признаком состава преступления. Причем, способ в таких случаях всегда со-

¹ Подробнее об этом см.: Панов Н. И. Способ совершения преступления и уголовная ответственность.— Харьков: Вища школа, 1982, с. 64—71.

относится с предметом через действие, выступает «средством» его осуществления. Выполнение преступного действия соответствующим способом означает одновременно воздействие на предмет преступления, что влечет за собой причинение вреда объекту. При оконченном составе преступления здесь всегда имеет место соприкосновение («соединение») действия и способа его совершения с предметом. Так, хищения, посягающие на общественные экономические отношения социалистической собственности, выражающиеся в принадлежности материальных благ (имущества) государственным или общественным организациям (основной объект), а также на отношения по распределению материальных благ в социалистическом обществе (дополнительный объект¹) предполагают непосредственное воздействие преступника на государственное или общественное имущество. Здесь лицо применяет такие приемы, методы и движения, посредством которых изымает, извлекает социалистическое имущество из фондов собственности государства или общественных организаций, противоправно устанавливает над ним свое физическое господство в целях личного обогащения или обогащения других лиц. Исходя из этого способ хищений наиболее общим образом может быть определен как «изъятие» государственного или общественного имущества из фондов социалистической собственности².

Иногда специфические приемы и методы преступного воздействия на предмет указывают на такие «индивидуальные» черты преступления, которыми оно отличается от других, смежных преступлений. В подобных случаях способ всегда находит отражение в законе. Так, кража и грабеж отличаются тем, что в первом случае винов-

¹ Об объекте преступлений против социалистической собственности, в том числе и хищений см.: Панов Н. И. Об объекте преступлений против социалистической собственности.— Сб.: Проблемы социалистической законности. Вып. 14—Харьков; Вища школа, 1984, с. 3—11.

² Подробнее о понятии способа хищений государственного или общественного имущества см.: Панов Н. И., Тихий В. П. Способ совершения преступления и его значение для квалификации хищений государственного или общественного имущества, огнестрельного оружия, боеприпасов, взрывчатых и наркотических веществ. Сб.: Проблемы социалистической законности. Вып. 14.—Харьков: Вища школа, 1984, с. 25—33; Ляпунов Ю. Изъятие как обобщенный способ хищений. Соц. законность, 1984, № 8, с. 35—37.

ный тайно похищает личное имущество, а во втором — открыто. Здесь способ свидетельствует не только об отличии фактических признаков указанных преступлений, но и о различной степени их общественной опасности, что, в конечном счете, и обусловило включение этих способов в нормы УК (ст. 140, 141 УК) в качестве обязательных признаков. Способ указывается в законе также и тогда, когда преступное воздействие на предмет осуществляется посредством общеопасных действий, что существенно повышает общественную опасность преступления в целом. Так, умышленное уничтожение или повреждение государственного, общественного или личного имущества граждан путем поджога либо иным общеопасным способом представляет повышенную общественную опасность. Поэтому данное обстоятельство обоснованно признается отягчающим ответственность и предусмотрено в ч. 2 ст. 89, ч. 2 ст. 145 УК, образуя квалифицированные виды составов соответствующих преступлений.

Способ находится в неразрывном единстве с объективной стороной преступления. Обладая присущими ему объективными и субъективными признаками, способ в то же время является составной частью объективной стороны преступления. Он характеризует преступное действие (бездействие) с точки зрения порядка, последовательности методов, приемов и движений, применяемых при его осуществлении, а также избирательно-используемых при этом средств совершения преступления. Поэтому в теории уголовного права способ справедливо рассматривают в качестве признака объективной стороны преступления.

Известно, что способ в пределах состава преступления может выступать в виде либо существенного признака действия (бездействия), указывающего на операционное своеобразие его исполнения, и образовывать содержание этого деяния (а иногда совпадать с ним по объему), либо «отдельного» действия «вспомогательного» характера, которое призвано обеспечивать исполнение «основного» действия, образующего объективную сторону преступления. В последнем случае способ «увеличивает протяженность» объективной стороны. Так, объективная сторона насильственного грабежа (ч. 2 ст. 82, ч. 2 ст. 141 УК) включает в себя не только от-

крытое похищение государственного или общественно-го либо личного имущества граждан, но и насилие, не опасное для жизни или здоровья потерпевшего (угроза применения такого насилия), выступающее способом совершения указанных преступлений. Объективная сторона побега заключенного из-под стражи, соединенного с насилием над стражей (ч. 2 ст. 183 УК) включает в себя непосредственно побег заключенного из-под стражи, а также насилие над стражей как способ совершения данного преступления. Следовательно, объективная сторона таких преступлений как бы «удлиняется», «увеличивается» за счет способа совершения преступления, который в сочетании с «основным» действием образует в пределах состава преступления «сложное действие».

Важно учитывать, что способ, выступающий в виде «отдельного» действия, всегда находится в необходимой причинной связи с «основным» действием (бездействием), выступает «средством» его осуществления. Это означает, что способ является не только необходимым приемом, обеспечивающим совершение преступного деяния, но, в известной мере, порождает его, обуславливает характер и содержание этого деяния. Иначе говоря, связь способа и действия (бездействия) нередко носит характер генетической связи. Так, при мошенничестве обман обуславливает завладение личным имуществом граждан, т. е. добровольную передачу потерпевшим имущества виновному; при хищении путем злоупотребления служебным положением — злоупотребление доверием (служебным положением), как способ совершения данного преступления обуславливает обращение должностным лицом путем использования своего служебного положения государственного или общественного имущества в свою или других лиц пользу. Отсутствие такой связи будет свидетельствовать и об отсутствии способа как признака состава преступления. Причем, способ здесь либо предшествует основному действию во времени, либо совпадает с ним, «сопровождает» его. Но иногда он может следовать за основным действием, обеспечивая его осуществление («завершение») при условии, конечно, что это основное действие еще не завершено. Так, в составах насильственного грабежа и разбоя насилие может выступать способом (средством) не только завладения имуществом, но и способом

его удержания. При этом следует иметь в виду, что в последнем случае имеет место трансформация, видоизменение «основного» действия в соответствии с тем способом, который лицо применило для завершения этого основного действия. Пленум Верховного Суда РСФСР в постановлении от 22 марта 1966 г. «О судебной практике по делам о грабеже и разбое» указал, что действия виновных, начатые как кража, при применении в дальнейшем насилия с целью завладения имуществом или для его удержания непосредственно после изъятия следует квалифицировать в зависимости от характера примененного насилия как разбой или грабеж, соединенный с насилием¹. Как видно, здесь действие, характерное для кражи, трансформируется в иное действие, образующее объективную сторону грабежа или разбоя, в зависимости от способа, примененного виновным для завершения преступления. Безусловно, при этом имеет место и трансформация самого способа совершения преступления— из тайного похищения в открытое, либо в похищение, сопряженное с насилием.

Способ, как известно, свойствен прежде всего преступному действию, т. е. активному общественно опасному поведению субъекта. Поэтому он предусмотрен в нормах УК и выступает в качестве обязательного признака объективной стороны преимущественно тех преступлений, которые совершаются путем активных действий. Это такие способы, как физическое, психическое насилие, злоупотребление доверием и др. Что же касается преступлений, совершаемых путем пассивного поведения, то сфера способа в них существенно ограничена ввиду особенностей бездействия, которое лишено операционного, исполнительного момента. Вследствие этого в нормах УК, предусматривающих ответственность за такие преступления, способ по общему правилу не предусмотрен в качестве признака состава преступления.

Наряду с этим в преступлениях, объективная сторона которых состоит из совокупности бездействия и действия (смешанное действие), последнее, по общему правилу выступает в роли приема, обеспечивающего невыполнение того действия, которое лицо обязано было и могло совершить. В таком случае это активное поведе-

¹ См.: Сборник постановлений Пленума Верховного Суда РСФСР. 1961—1983.—М.: Юрид. лит. 1984, с. 212.

ние является способом совершения преступления, выражающегося в бездействии. Так, способом уклонения от очередного призыва на действительную военную службу, уклонения военнообязанного от учебных или проверочных сборов и воинского учета, а также уклонения от воинской службы — ч. 2 ст. 72, ч. 2 ст. 192, ст. 293 УК выступают: причинение себе какого-либо повреждения (членовредительство), симуляция болезни, подлог документов или иной обман. Эти перечисленные активные действия направлены на обеспечение невыполнения действий, которые лицо должно было совершить, выполняют роль способа совершения преступления. Они прямо предусмотрены в законе, и поэтому являются обязательными признаками составов соответствующих преступлений.

Способ как признак объективной стороны преступления принадлежит непосредственно действию (бездействию), придает ему качественную определенность, уточняет, конкретизирует, «индивидуализирует» его. Вследствие этого преступление является данным, а не иным, обладает устойчивыми «индивидуальными» признаками, которые позволяют определить в каждом конкретном случае пределы, «границы» этого преступления, отграничивать его от смежных деяний. Особое место в этой связи способ занимает в продолжаемых преступлениях. Здесь он свидетельствует, прежде всего, о тождественности преступных действий, входящих в единое продолжаемое преступление. Если же способ выступает обязательным признаком состава преступления, то установление единства способа при совершении каждого из действий, образующих в своем сочетании продолжаемое преступление, является необходимым условием констатации наличия данного преступления. Так, известно, что в основе форм хищений государственного или общественного имущества (кражи, грабежа, мошенничества и др.) лежит соответствующий им способ совершения преступления. Поэтому продолжаемое хищение может иметь место, в частности, лишь при условии, что каждый акт хищения совершен одним и тем же способом (единство способа). Иное решение и, как следствие, игнорирование единства способа в продолжаемых хищениях превращало бы эти и подобные им преступления в нечто аморфное, неопределенное, по существу, вело бы к

установлению уголовной ответственности лишь за объективно причиненный вред, в основе которого могут лежать различные действия, не объединенные единством вины (единством умысла).

Способ уточняет, конкретизирует преступное действие (бездействие), способствует определению его границ — начального и конечного моментов, что важно для установления стадий совершения преступлений, соучастия в преступлении и др. Начальным моментом действия, образующего объективную сторону преступления, следует признать выполнение лицом телодвижений, составляющих хотя бы первоначальный акт поведения, входящий в содержание действия в качестве его составной части. При этом всегда имеет место непосредственное соприкосновение акта противоправного поведения лица с объектом уголовно-правовой охраны, который в таком случае ставится в опасность причинения вреда.

Некоторые особенности установления начального момента действия имеют преступления, способ совершения которых выступает в виде отдельного действия вспомогательного характера, обеспечивающего выполнение основного действия. (физическое насилие, психическое насилие, обман и др.). Начальным моментом действия в этих преступлениях следует считать совершение телодвижений, составляющих хотя бы первоначальный акт поведения, который выступает составной частью основного действия, либо действия, образующего способ совершения данного преступления. Так, начальным моментом изнасилования является применение к потерпевшей физического насилия, либо угрозы насилием с целью совершения полового акта, либо использование беспомощного состояния потерпевшей с той же целью; начальным моментом мошенничества, совершаемого путем обмана — выполнение обманных действий с целью завладения личным имуществом граждан.

Преступное бездействие начинается с момента невыполнения лицом тех действий (хотя бы одного из них), которые оно могло и должно было совершить. В тех же случаях, когда выполнение преступного бездействия обусловлено совершением активных действий, выступающих способом совершения преступления, то начальным моментом преступления является выполнение одного из

активных действий с целью невыполнения тех действий, которые оно обязано было и могло совершить.

Конечный момент преступного действия образует выполнение последнего акта телодвижений, сочетание которых образует действие как признак объективной стороны преступления. Представляет определенную сложность установление момента окончания действий, сопряженных с использованием различного рода механизмов, технических средств и других предметов, используемых в качестве средств совершения преступления. При этом следует учитывать, что в теории уголовного права существуют различные решения данного вопроса. Так, одни ученые считают, что преступное действие заканчивается теми движениями, посредством которых человек воздействует на соответствующие средства. Дальнейшее же проявление свойств этих предметов, работа механизмов и т. п. являются продолжением объективной стороны преступления и охватываются понятием причинной связи между действием и вредными последствиями¹.

Другие же ученые приходят к выводу, что действие охватывает не только телодвижения, но и те средства, которые виновный использовал при совершении преступления². Последняя точка зрения представляется более предпочтительной. Телодвижение, взятое само по себе, в отрыве от конкретных условий, в которых оно имело место, вне связи с орудиями, которые оно направляло, и в отрыве от тех изменений, которые оно вызвало, — обоснованно отмечал Н. Д. Дурманов, — представляет собой голую абстракцию³. Расчленение действия (бездействия) и средств совершения преступления представляется искусственным, поскольку свойства, заложенные в соответствующих предметах материального мира проявляются в процессе их использования. Лишь в том случае, если действие «объемлет» эти предметы, они могут служить преступнику средством достижения по-

¹ См.: Кудрявцев В. Н. Субъективная сторона преступления, с. 78, Кузнецова Н. Ф. Значение преступных последствий для уголовной ответственности. — М., 1958, с. 11 и др.

² См.: Курс советского уголовного права: Часть Общая Л.: Изд-во ЛГУ, т. 1, 1968, с. 325.; Ковалев М. И., Васьков П. Т. Причинная связь в советском уголовном праве. — М., 1958, с. 42—43; и др.

³ См.: Дурманов Н. Д. Понятие преступления. — М.: Изд-во АН СССР, 1948, с. 53.

ставленной им цели. Взятые же в статическом состоянии они, по общему правилу, не представляют общественной опасности. Причем, применение этих предметов при осуществлении посягательства на объект уголовно-правовой охраны образует, как известно, орудийный способ, являющийся в таких случаях неотъемлемым признаком преступного действия (бездействия). Прибегая к средствам совершения преступления, виновный, как правило, увеличивает (усиливает) причиняющий, поражающий эффект действия. Таким образом, действие и образующие его телодвижения неразрывно связаны со средствами совершения преступления, как и орудийный способ неотделим от действия, выполняемого с использованием средств совершения преступления. Анализируя трудовую деятельность человека, К. Маркс писал, что предмет, используемый человеком в процессе труда, становится органом его деятельности, органом, который он присоединяет к органам своего тела, удлиняет таким образом, вопреки библии, естественные размеры последнего¹. Следовательно, преступное действие включает в себя не только телодвижения человека, но и средства, используемые им в процессе совершения преступления. Так, действие при убийстве, сопряженном с применением огнестрельного оружия, охватывает собой не только телодвижения человека, заканчивающиеся нажатием спускового крючка, но и производство выстрела, который происходит в результате вызванного телодвижением взаимодействия частей оружия. Признание же в данном случае конечным моментом действия лишь последнего из телодвижений искусственно расчленило бы телодвижения человека и использование (приведение в действие) средств совершения преступления, единство и сочетание которых в акте преступного посягательства образует орудийный способ, лишало бы действия (и преступления в целом) определенности, существенно затрудняло бы выяснение объективных и субъективных признаков преступления.

Способ, как признак состава преступления соотносится определенным образом и с общественно опасными последствиями. В частности, способ и последствия всегда находится в необходимой причинной связи. Причем, как и с объектом, способ соотносится с последст-

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф., Соч., т. 23, с. 190.

виями через действие (бездействие). Выполнение преступного деяния соответствующим способом вызывает, порождает общественно опасные последствия. Если же способ выступает в виде «отдельного» действия (бездействия), то его выполнение является необходимым условием осуществления основного деяния и причинения им общественно опасных последствий. При этом действие, являющееся способом совершения преступления, может причинить вред дополнительному (обязательному либо факультативному) объекту, и тем самым, вызвать наступление дополнительных (обязательных или же факультативных) последствий.

Взаимосвязь способа и последствий проявляется также и в том, что характер способа, избираемого лицом для осуществления преступного посягательства на объект уголовно-правовой охраны, во многом обуславливает и характер вреда, причиняемого объекту, т. е. общественно опасные последствия. Так, физические (энергетические) способы совершения преступления (физическое насилие, изъятие, разрушение предметов и др.), которые сопряжены с физическим воздействием на предметы внешнего мира или на человека, как субъекта общественных отношений, по общему правилу, обуславливают причинение имущественного или физического вреда, т. е. материальных последствий. В отличие от этого информационные способы (угроза насилием, обман и др.) вызывают наступление преимущественно нематериальных последствий в сфере политической, моральной, организационной и т. д.

Способ как признак состава преступления в то же время необходимо отличать от общественно опасных последствий преступления. Известно, что способ принадлежит непосредственно акту общественно опасного поведения субъекта, его действию или бездействию. Последствия же преступления являются результатом (следствием) негативного, разрушающего воздействия преступного действия (бездействия) на объект уголовно-правовой охраны и представляют собой вред, причиненный объекту¹. Таким образом, способ существенно отличается от последствий преступления. В этой связи

¹ См.: Кузнецова Н. Ф. Значение преступных последствий.— М.: Госюриздат, 1958, с. 14—15; Михлин А. С. Последствия преступления.— М.: Юрид. лит., 1969, с. 16.

спорным представляется мнение, согласно которому насилие, как способ совершения преступления, отождествляется с последствиями преступления. Иногда утверждают, что насилие охватывает весьма широкий круг насильственных действий и их последствий: начиная от ссадин и кровоподтеков и кончая умышленным или неосторожным причинением смерти потерпевшему¹. Отметим, что насилие, в строгом смысле этого слова, и смерть человека, равно как и телесные повреждения, в структуре преступного посягательства имеют различное значение, относятся к различным его элементам. Если насилие характеризует непосредственно акт общественно опасного поведения виновного, его действие либо бездействие, то смерть потерпевшего и телесные повреждения могут выступать лишь в качестве последствий таких насильственных действий. Поэтому объединять их в одном понятии «насилие», которое превращалось бы в таком случае в аморфное весьма широкое по объему правовое понятие, включающее в себя всю совокупность преступлений против жизни и здоровья, нет оснований.

Следует также отметить, что насильственные действия и их последствия всегда находятся в необходимой причинной связи. Насилие выступает причиной последствий, их порождает. Вред, причиняемый жизни и здоровью человека, является, по общему правилу, следствием именно насильственных действий. При этом, чем опаснее насилие, тем более тяжкими могут быть последствия: легкие, средней тяжести, либо тяжкие телесные повреждения или даже смерть потерпевшего. В то же время возможные или наступившие последствия свидетельствуют об интенсивности, опасности насильственных действий, и поэтому выступают критерием определения степени насилия, уточняют, конкретизируют насилие как способ совершения преступления. В целях лаконичного формулирования в нормах УК признаков преступлений, в частности, насилия и его последствий (возможных или наступивших) законодатель конструирует «комбинированное» понятие «насилие» (физическое насилие), вклю-

¹ См.: Ляпунов Ю. Уголовная ответственность за действия, приведшие к неосторожному причинению смерти.— Сов. юстиция, 1973, № 9, с. 14; Наумов А. В. Применение уголовно-правовых норм.— Волгоград, 1973, с. 102; он же. Совокупность в насильственных составных преступлениях.— Сов. юстиция, 1973, № 1, с. 11.

чающее в себя непосредственно насильственные действия,— способ совершения преступления, а также и их последствия: легкие и средней тяжести телесные повреждения. Так, применение насилия, в частности, при совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 86, ч. 1 ст. 117, ч. 1 ст. 142, ч. 2 ст. 188 УК, предполагает как нанесение удара, побоев, совершение иных насильственных действий, так и возможное причинение в результате этих действий легких или средней тяжести телесных повреждений¹. Причинение же тяжких телесных повреждений, а также смерти потерпевшему не охватывается понятием насилия и нуждается в самостоятельной правовой оценке.

Соотношение способа и субъективной стороны преступления должно рассматриваться в той же плоскости, что и соотношение объективной и субъективной сторон преступления. Субъективная сторона преступления, и прежде всего такие ее элементы, как мотив и цель, детерминирует, порождает не только объективную сторону, но и способ совершения преступления. Особенности способа, избираемого субъектом для осуществления преступного действия (бездействия), направленного на достижение определенной цели, зависят от его потребностей, мотивов, представлений, ценностных ориентаций, других субъективных свойств, что позволяет иногда весьма точно установить личность преступника². Как и объективная сторона преступления в целом, способ в идеальном виде формируется в сознании лица и затем осуществляется в той или иной мере в реальной действительности. Причем, субъективная сторона определяет способ совершения преступления как умышленных, так и неосторожных преступлений. В последнем случае отсутствие надлежащей внимательности, предусмотрительности, обуславливает совершение преступлений, как правило, опасными или общеопасными способами в результате нарушения правил эксплуатации и использования различных механизмов, транспортных средств, опасных и

¹ См.: Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР 1924—1977.— М., 1978. ч. 2, с. 194—195, 252—253; Сборник постановлений Пленума Верховного Суда РСФСР. 1961—1988. М., 1984, с. 210.

² См.: Васильев А. Н., Мудьюгин Г. Н., Якубович Н. Я. Планирование расследования преступлений.— М.: Госюриздат, 1957, с. 74.

общеопасных предметов и т. п. в сфере отношений «человек — техника».

Способ совершения преступления одновременно влияет на субъективную сторону преступления по типу «обратной связи»: субъективная сторона в известной мере определяется способом совершения преступления. Формирование мотивов, целей, субъективной стороны преступления в целом происходит на базе и с учетом внешних, объективных условий, в которых действует лицо, и которые позволяют осуществить действие (бездействие) определенным способом. Следовательно, принимая решение о совершении преступления, лицо учитывает и возможный способ его осуществления.

Наряду с другими элементами (признаками) объективной стороны преступления способ составляет предметное содержание субъективной стороны. Действуя умышленно, лицо сознает общественно опасный характер своего действия или бездействия, в том числе и способ его осуществления, что, в частности, является фактической основой для предвидения им наступления общественно опасных последствий этого действия (бездействия). Совершая преступление по неосторожности, лицо, по общему правилу, сознает фактические признаки совершаемого деяния, в том числе характер действия (бездействия) и способ его осуществления, и, исходя из этого, предвидит возможность наступления общественно опасных последствий данного действия или бездействия; но легкомысленно рассчитывает на их предотвращение, либо не предвидит наступления таких последствий, хотя должно было и могло их предвидеть. Поэтому установление субъективной стороны предполагает, в частности, необходимость выяснения осознания лицом и способа исполнения им действия (бездействия) и на этой основе решение вопроса о предвидении (непредвидении) им общественно опасных последствий.

Способ присущ всем преступлениям, как умышленным, так и неосторожным¹. Однако в нормах УК способ находит закрепление преимущественно лишь тогда, когда преступление является умышленным. Такое решение представляется обоснованным, ибо способ всегда указывает на целенаправленность действий лица, что харак-

¹ См.: Кудрявцев В. Н. Объективная сторона преступления, с. 72.

Верно прежде всего для умышленных преступлений. Способ, как обязательный признак состава преступления, не только свидетельствует об умышленной форме вины, но и нередко предполагает наличие специальной цели, например, цели завладения государственным или общественным имуществом при разбойном нападении. Причем, субъективная сторона преступлений, способ которых выступает в виде «отдельного» действия (бездействия), характеризуется тем, что субъект, осуществляя это деяние вспомогательного характера, преследует цель совершить другое «основное» действие (бездействие), образующее субъективную сторону состава преступления. Так, субъективная сторона изнасилования (ст. 117 УК) предполагает, что физическое насилие или угроза применения такого насилия осуществлялись с целью совершения полового акта с потерпевшей, в составе мошенничества (ст. 143 УК) виновный, совершая обманные действия, должен преследовать цель завладения личным имуществом граждан. Отсутствие такой цели будет свидетельствовать и об отсутствии субъективной стороны соответствующего преступления, а следовательно, и состава преступления в целом.

В неосторожных преступлениях способ, по общему правилу, не указывается в нормах Особенной части УК. Объясняется это тем, что общественная опасность этих преступлений определяется главным образом не способом совершения преступления, а иными элементами: характером нарушения соответствующих правил (правил безопасности движения и эксплуатации транспорта — ст. 215 УК, правил безопасности горных, строительных работ — ст. 218, ст. 219 УК и др.), соблюдение которых предотвратило бы причинение вреда объекту, тяжестью общественно опасных последствий, обстановкой совершения преступления и др. При этом, конечно, нельзя не учитывать, что и в неосторожных преступлениях способ существенным образом влияет на опасность действия (бездействия), тяжесть последствий, на характер и степень общественной опасности этих преступлений в целом. Однако способ в неосторожных преступлениях может быть установлен лишь путем толкования соответствующих норм (например, общеопасный способ в случаях нарушения правил безопасности на взрывоопасных объектах — ст. 220 УК, нарушения правил пожарной

безопасности — ст. 220—1 УК), он не может быть обособлен, четко определен в законе, не может выступать в виде «отдельного» действия, которое служило бы «средством» выполнения «основного» действия (бездействия) состава преступления, и поэтому не указывается в нормах УК в качестве обязательного признака состава преступления.

Вместе с тем, отметим, что для некоторых неосторожных преступлений способ является обязательным признаком состава преступления, ибо он непосредственно указан в нормах, устанавливающих ответственность за такие преступления. Например, в ст. 99 УК РСФСР предусмотрен такой способ неосторожного уничтожения или существенного повреждения лесных массивов, как небрежное обращение с огнем или источником повышенной опасности. В ст. 99 УК УССР (ст. 107 УК РСФСР), устанавливающей ответственность за доведение до самоубийства, которое может быть совершено как умышленно, так и по неосторожности¹, предусмотрены такие способы доведения до самоубийства лица, находящегося в материальной или иной зависимости от другого лица, как жестокое обращение или систематическое унижение человеческого достоинства потерпевшего. Причем, если в первом случае способ совершения преступления характеризуется неосторожной формой вины, то в последнем — умышленной. Но в каждом из этих преступлений способ является обязательным признаком состава преступления, свидетельствует о повышенной общественной опасности данного деяния, что и обусловило необходимость признания его в качестве преступного и наказуемого. Способ в неосторожных преступлениях, как и в умышленных, выполняет разграничительную функцию: позволяет разграничить смежные преступления, проводить отличие преступных деяний от непроступных. Отсюда следует, что если способ указан в диспозиции статьи УК и является обязательным признаком состава неосторожного преступления, то установ-

¹ См.: Сташис В. В., Бажанов М. И. Преступления против личности в УК УССР и судебной практике.— Харьков: Вища школа, 1981, с. 74; Авакян Р. З. Доведение до самоубийства как уголовно-наказуемое деяние.— Ереван: Изд-во АН Армянской ССР, 1971, с. 61—76; Шаргородский М. Д. Преступления против жизни и здоровья.— М., 1948, с. 65—69.

ление его — обязательное условие уголовной ответственности.

Соотношение способа и субъекта преступления не имеет четко выраженного характера. Такие общие признаки субъекта преступления, как достижение физическим лицом указанного в законе (ст. 10 Основ, ст. 10 УК) возраста уголовной ответственности и вменяемость не могут обусловить каких-либо особенных признаков способа. Вместе с тем способ находится в определенной взаимосвязи со специальным субъектом, в частности, с такими его признаками, которые характеризуют профессиональную деятельность лица, его служебное (должностное) положение. Отметим, что названные признаки специального субъекта, как и способ совершения преступления, находятся в неразрывной связи с объектом преступления, им обусловлены. Так, профессиональная деятельность, служебное положение лица указывают на наличие соответствующей социальной связи между лицом, совершающим преступление, и субъектом общественного отношения (учреждением, предприятием, организацией, трудовым коллективом, государством) как элементом объекта. Эта связь заключается, в частности, в специфических отношениях доверия. Совершая преступление путем использования указанных отношений доверия (злоупотребление доверием), виновный разрывает тем самым данную социальную связь. Эта связь и, таким образом, отношения доверия, выражаются, как правило, либо в трудовой функции лица (последняя представляет собой совокупность его прав и обязанностей, вытекающих из договорных правоотношений), либо в специальных, вытекающих из служебного (должностного) положения лица полномочиях, которые находят закрепление в законе или ином нормативном акте путем указания в них специальных признаков субъекта преступления. Эти признаки, помимо того, что характеризуют субъекта преступления, свидетельствуют также и об особенностях способа совершения преступления, который наиболее общим образом может быть охарактеризован как один из видов злоупотребления доверием. Используя свою профессиональную деятельность, определяемую трудовой функцией, либо полномочия, вытекающие из его служебного либо должностного положения, лицо злоупотребляет оказанным ему доверием и, совершая

общественно опасное действие (бездействие), вопреки интересам доверителя, причиняет вред объекту уголовно-правовой охраны. Так, получение незаконного вознаграждения от граждан, за выполнение работ, связанных с обслуживанием населения (ст. 155—2 УК), всегда сопряжено с использованием лицом своей трудовой деятельности по выполнению работ или оказанию услуг в сфере торговли, общественного питания, бытового, коммунального, медицинского, транспортного или иного обслуживания населения, входящих в круг служебных обязанностей этого лица. Получение взятки (ст. 168 УК) является специальным видом злоупотребления служебным положением и выражается в получении должностным лицом лично или через посредников в каком бы то ни было виде взятки за выполнение или невыполнение в интересах дающего взятку какого-либо действия, которое должностное лицо должно было или могло совершить с использованием своего служебного положения. И в первом, и во втором случае признаки специального субъекта определяют способ совершения этих преступлений—злоупотребление доверием. Отсюда следует практически важный вывод: для наличия состава преступления со специальным субъектом, признаки которого характеризуют профессиональную деятельность лица или его служебное (должностное) положение, необходимо установить, что преступление было совершено путем использования виновным именно этой деятельности, определяемой трудовой функцией, или правомочий, вытекающих из служебного (должностного) положения лица, т. е. путем злоупотребления доверием.

Изложенное позволяет заключить, что способ находится в неразрывной связи и взаимозависимости со всеми элементами состава преступления. В этом, в частности, выражается влияние способа как на фактические (объективные и субъективные) признаки, так и на социальные свойства (общественную опасность) соответствующих преступлений, что, в конечном счете, и обуславливает включение его в качестве обязательного признака определенных составов преступлений, специфику конструирования этих составов и особенности описания их в нормах Особенной части УК.

Глава III. ЗНАЧЕНИЕ СПОСОБА ДЛЯ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

§ 1. УСТАНОВЛЕНИЕ СПОСОБА — ВАЖНОЕ УСЛОВИЕ ПРАВИЛЬНОЙ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Анализ способа как признака состава преступления, выяснение особенностей закрепления его в нормах УК в качестве обязательного признака состава преступления, установление его связи и взаимозависимости с элементами состава преступления позволяет решить вопрос о квалификации преступлений с учетом способов их совершения. Квалификация преступлений является одним из центральных звеньев применения уголовно-правовых норм и заключается в установлении и юридическом закреплении точного соответствия признаков совершенного общественно-опасного деяния признакам состава преступления, предусмотренного уголовным законом¹.

Для правильной квалификации преступлений, обязательным признаком которых является определенный способ их совершения, необходимо установить точное соответствие совершенного деяния признакам состава преступления, закрепленного в уголовно-правовой норме, в том числе установить и доказать уголовно-процессуальными и криминалистическими средствами, что преступление было совершено именно тем способом, который указан в соответствующей статье Особенной части УК. Это означает, применительно к рассматриваемому вопросу, что в действиях лица необходимо установить наличие признаков (черт, свойств), характерных для соответствующего способа совершения преступления, — физического насилия, психического насилия, обмана, злоупотребления доверием и т. д. Лишь при таком условии норма уголовного закона, предусматривающая состав преступления, обязательным признаком которого выступает способ совершения преступления, может быть применена правильно.

Логико-гносеологическая природа процесса установления в действиях виновного способа совершения пре-

¹ См.: Кудрявцев В. Н. Общая теория квалификации преступлений, с. 7—8; Куринов Б. А. Научные основы квалификации преступлений. — М.: Изд-во МГУ, 1976, с. 7.

ступления не отличается от процесса квалификации преступлений и определения в конкретном деянии состава преступления, является частным его случаем. Выяснив признаки способа в совершенном преступлении, орган дознания, следователь, прокурор, суд сравнивают их с признаками способа, указанного в диспозиции уголовно-правовой нормы в целях установления их соответствия. Причем, важно установить в совершенном деянии не только признаки родового порядка, присущие каждому из способов совершения преступления (физическому насилью, обману, злоупотреблению доверием и др.), но и определенные индивидуальные признаки способа данного преступления, которые обусловлены характером объекта, особенностями общественно опасного действия (бездействия), его последствиями, формой вины, мотивом и целью данного преступления. Например, угроза применения насилия в составах грабежа (ст. 141 УК) и разбоя (ст. 142 УК) имеет известное отличие от угрозы насилием в составе вымогательства (ст. 144 УК), хотя в каждом из этих преступлений угроза как вид психического насилия всегда содержит такие черты сходства, которые являются общими всем преступлениям, совершаемым путем угрозы насилием. Таким образом, лишь при выявлении сходства, совпадения способа совершенного деяния с признаками способа (общего и индивидуального порядка), указанного в статье Особенной части УК, может быть сделан вывод о наличии или, напротив, отсутствии в конкретном преступлении определенного способа как одного из признаков состава преступления, являющегося основанием уголовной ответственности.

Процесс установления в действиях лица способа совершения преступления в сущности не требует каких-либо особых логико-гносеологических приемов, если способ обозначен в законе при помощи понятий точного значения (при условии, конечно, что эти понятия достаточно глубоко разработаны). Он полностью подчиняется правилам формальной логики получения выводного знания (дедуктивное умозаключение). В то же время значительную сложность представляет установление способа совершения преступления в действиях лица в тех случаях, когда способ описывается в нормах УК при помощи оце-

ночных понятий. Тогда, как отмечалось¹, превалирующее значение имеет оценочно-познавательная и право-конкретизирующая деятельности, так как использование в подобных случаях лишь правил формальной логики недостаточно. Субъект, применяющий норму права, содержащую оценочные понятия, производит оценку соответствия конкретного факта с классом явлений, закрепленных в таком понятии. Но ввиду неконкретности, нечеткости оценочных понятий подобная оценка всегда сопряжена с необходимостью выяснения объема, содержания и признаков самих этих понятий. Иногда утверждают, что содержание оценочных понятий, их признаки формируются², определяются не законом, а лицом, применяющим норму права³. Согласиться с этим мнением— значит признать, что как содержание, так и объем оценочных понятий, применяемых в уголовном законе, определяются не только волеизъявлением законодателя, но и во многом интерпретатором этих понятий. Это будет означать, далее, что круг явлений, относящихся к классу, отражаемому оценочными понятиями (в частности, соответствующий способ совершения преступления), и признаваемых преступными и наказуемыми, может в значительной мере определяться усмотрением субъекта, применяющего норму права, а не законодателем. С таким решением, конечно, нельзя согласиться.

Отметим, что субъект, применяющий правовую норму, содержащую оценочное понятие, выясняет содержание этого понятия и его признаки применительно к конкретному факту, т. е. познает их, а не создает в своем представлении, уточняет, конкретизирует само это понятие. Причем право-конкретизирующая деятельность по применению таких понятий может быть различной в зависимости от особенностей объектов, обобщенных в этих понятиях. Так, иногда лицо, применяющее закон, должно установить соответствие конкретного факта одной из множества форм внешнего выражения

¹ См.: § 1 гл. 2 настоящей работы.

² См.: Фролов Е. А., Питецкий В. В. Гарантии законности и оценочные понятия в уголовном праве.— Сов. гос-во и право, 1979, № 6 с. 88; Питецкий В. Применение оценочных понятий уголовного закона.— Сов. юстиция, 1984, № 20. с. 4.

³ См.: Наумов А. В. Применение уголовно-правовых норм, с. 97; Жеребкин В. Е. Логический анализ понятий права.— Киев: Вища школа, 1976, с. 136.

определённого класса явлений, закреплённых в оценочном понятии. Такое понятие будет применено правильно лишь в том случае, если признаки конкретного факта будут соответствовать признакам, образующим содержание оценочного понятия, и сам этот факт не будет выходить за пределы объема данного понятия. Большое значение для выяснения объема и содержания оценочных понятий в этих случаях имеет указание в законе примерного перечня явлений, относящихся к классу, закреплённому в оценочном понятии (например, умышленное уничтожение или повреждение государственного или общественного имущества, совершенное путем поджога или иным общепасным способом,— ч. 2 ст. 89 УК т. п.). Важное значение для конкретизации оценочных понятий имеет их интерпретация в постановлениях Пленума Верховного Суда СССР и пленумов Верховных Судов союзных республик, в которых указывается примерный перечень признаков, образующих эти понятия и характеризующих формы внешнего проявления соответствующих явлений. Например, в п. 9, 10 постановления Пленума Верховного Суда СССР от 27 июня 1975 г. разъяснено понятие «умышленного убийства, совершенного с особой жестокостью», а также «способом, опасным для жизни многих лиц»¹.

В ряде случаев конкретизация оценочных понятий требует выяснения их качественно-количественных признаков, уточнения их применительно к отдельному факту, установления значения последнего для правоохраняемых интересов. Такая правоконкретизирующая деятельность неизбежно сопряжена с определенным усмотрением лица, применяющего закон, так как на оценку, т. е. на оценочно-познавательную деятельность правоприменителя не могут не влиять его субъективные представления, ценностные ориентации, правосознание. Однако включение субъективного начала в оценочную деятельность едва ли можно рассматривать, как иногда утверждают, как возможность свободного усмотрения, свободной оценки фактов или как завершение правосозидательной деятельности в процессе применения норм права. Конкретизация оценочных понятий в судебной практике является правоприменительной деятельностью, которая

¹ См.: Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР. 1924—1977.— М.: Юрид. лит., 1977, ч. 2, с. 188—189.

носит строго подзаконный характер, осуществляется на основе юридических норм. Поэтому и усмотрение лица, применяющего уголовный закон, содержащий оценочные понятия, носит поднормативный характер, т. е. является не свободным, осуществляется лишь в пределах определяемых законодателем.

Выясняя качественно-количественные признаки оценочных понятий, закрепляющих способ совершения преступления, применительно к конкретному способу совершенного преступления правоприменитель делает вывод о соответствии или несоответствии свойств этого способа признакам оценочного понятия. Знания, полученные в результате такой оценочно-познавательной деятельности, являются по характеру их образования субъективными, но по источнику и содержанию всегда объективны. Они есть отражение объективно-реальных процессов, действующих на сознание и волю человека. Следовательно, всякое оценочное суждение в своей основе должно иметь определенные объективные факты, свидетельствующие о качественно-количественных характеристиках конкретного явления и самого оценочного понятия. В этой связи важное значение имеет выработка объективных критериев оценки, на основании которых можно делать вывод о содержании качественных и количественных признаков, образующих оценочное понятие.

Для правильного применения закона, содержащего оценочные понятия, большое значение имеет отражение в актах применения норм уголовного права тех обстоятельств объективного характера, на основании которых конкретный факт относят к классу, закрепленному в оценочном понятии. Важные указания по этому вопросу содержатся в постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 16 октября 1972 г. «О судебной практике по делам о хулиганстве», где сказано, что, квалифицируя хулиганство по ч. 2 ст. 206 УК РСФСР по признаку исключительного цинизма или особой дерзости, суд должен указать в приговоре, какие конкретно действия виновного он относит к исключительно циничным или особо дерзким¹. Представляется, что по каждому уголовному делу в случаях квалификации преступления по статье

¹ См.: Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР. 1924—1977.—М.: Юрид. лит., 1978, с. 264.

УК, содержащей оценочное понятие, при помощи которого в законе закреплен соответствующий способ совершения преступления, в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого, обвинительном заключении и приговоре должно быть указано, на основании каких именно объективных обстоятельств делается вывод о наличии в действиях лица признаков преступления, обозначенного в законе оценочным понятием.

Изложенное позволяет заключить, что особенности познавательной деятельности по установлению в конкретном деянии способа совершения преступления в процессе квалификации преступлений во многом зависят от того, при помощи каких понятий — точного значения (формально определенных) или оценочных — описан этот признак состава преступления в законе. Такая деятельность лица, применяющего закон, всегда предполагает диалектическое сочетание эмпирического и теоретического уровней познания¹, основывается на законах и правилах формальной и диалектической логики, включает в себя как оценочные, так и правоконкретизирующие моменты. Результатом этой познавательной деятельности должен быть достоверный и обоснованный вывод о наличии (либо, напротив, отсутствии) в конкретном деянии определенного способа, являющегося обязательным признаком состава данного преступления.

Особенности квалификации преступлений с учетом способов их совершения во многом зависят также и от того, каким образом законодатель включает способ в норму УК в качестве обязательного признака состава преступления. Так, если в законе содержится указание лишь на один определенный способ совершения преступления, то установление именно данного способа в деянии лица является обязательным условием констатации наличия в совершенном составе соответствующего преступления. Если же в статье Особенной части УК предусмотрен исчерпывающий перечень нескольких возможных (в альтернативе) способов, то для наличия состава данного преступления достаточно установить, что деяние было совершено хотя бы одним из этих способов. В тех же случаях, когда в уголовно-правовой норме содержится лишь примерный перечень способов, завершающийся их обобщающей характеристикой (обобщающим

¹ См.: Наумов А. В. Новиченко А. С. Законы логики при квалификации преступлений. — М.: Юрид. лит., 1978, с. 40—43.

термином), для наличия в совершенном преступлении способа как обязательного признака состава преступления необходимо установить, что он обладает всеми теми признаками (чертами), которые свойственны всем возможным способом данного преступления и которые вытекают из обобщающей их характеристики, указанной в самом законе. Укажем также, что, если способ предусмотрен в норме УК в качестве обязательного признака составного преступления, то для наличия последнего необходимо установить, что способ как деяние вспомогательного характера, посягающее на присущий ему объект и предусмотренное в определенной статье УК в качестве самостоятельного преступления, должен находиться в данном конкретном случае в органическом единстве с основным деянием и в сочетании с ним составлять единый акт общественно опасного посягательства на охраняемые уголовным законом социалистические общественные отношения.

Отметим далее, что квалификация преступлений по сути своей заключается в установлении в общественно опасном деянии предусмотренного определенной статьей Особенной части УК состава преступления как основания уголовной ответственности, что выражается, в конечном счете, в последовательном выявлении в совершенном деянии элементов состава: объекта, объективной стороны, субъективной стороны, субъекта преступления, а также соответствующих конститутивных признаков состава, относящихся к тем или иным его элементам. Способ совершения преступления, выступая в качестве признака состава преступления, подлежащего установлению и доказыванию, в то же время имеет важное значение для установления всех элементов состава преступления. В основе данного решения лежит вывод о неразрывной связи и взаимозависимости способа со всеми элементами и признаками состава преступления. Так, выяснение способа весьма важно для установления объекта преступления. В. Н. Кудрявцев в этой связи отмечает: «Правильно установив способ действия, мы в некоторых случаях можем сделать обоснованный вывод об объекте или хотя бы о примерном круге объектов преступного посягательства...»¹. Причем анализ способа

¹ См.: Кудрявцев В. Н. Общая теория квалификации преступлений, с. 161.

В ряде случаев позволяет правильно установить как родовой, так и непосредственный объекты. Таким образом, выяснение способа в каждом конкретном случае во многом способствует определению объекта преступления, что в свою очередь является необходимым условием правильной квалификации совершенного общественно опасного деяния. Но в то же время установление в действии (бездействии) лица определенного способа, закрепленного в уголовно-правовой норме в качестве обязательного признака состава преступления, еще не всегда свидетельствует о том, что налицо и объект, присутствующий данному преступлению. В связи с этим и способ и само деяние не всегда могут быть признаны преступными и наказуемыми. Они являются таковыми лишь тогда, когда действие (бездействие) и способ его совершения причиняют (или же ставят в опасность причинения) вред соответствующему объекту уголовно-правовой охраны. Отсутствие же данного обстоятельства будет свидетельствовать и об отсутствии способа совершения преступления, а также и состава преступления, конститутивным признаком которого этот способ является. По этим основаниям, например, не могут быть квалифицированы как мошенничество (ст. 143 УК) действия, совершенные путем обмана, но не причинившие ущерба личной собственности. В этой связи вызывает сомнение обоснованность позиции И. М. Гальперина и Г. Н. Борзенкова, которые считают, что если при купле-продаже автомобиля продавец договаривается с покупателем об уплате ему значительной суммы сверх цены автомобиля, установленной комиссионным магазином, а после продажи автомобиля покупатель при расчете обманывает продавца и вместо обусловленной суммы сверх комиссионной вручает «куклу», т. е. совершает обманные действия, средством осуществления которых выступает фальсифицированный предмет («кукла»), содеянное подлежит квалификации по ст. 143 УК как мошенничество¹. Данная сделка является незаконной как совершенная в целях, противных интересам государства (ст. 49 ГК УССР). В соответствии с действующим гражданским законодательством (ст. 4 ГК) эта сделка не

¹ См.: Гальперин И., Борзенков Г. Уголовная ответственность за обман при незаконных сделках. — Сов. юстиция, 1975, № 15, с. 14.

создает для продавца права собственности на обусловленную дополнительным соглашением сумму, превышающую стоимость автомобиля, которая определяется магазином, равно как и для покупателя права требовать возврата указанной суммы при признании сделки недействительной¹.

Аналогично должен решаться вопрос и о правовой оценке тайного, открытого либо насильственного (путем применения насилия или угрозы насилием) или же с применением обмана либо злоупотребления доверием завладения имуществом, на которое лицо, совершающее названные действия, не утратило право личной собственности, но которое по каким-либо причинам выбыло из его владения. По этим основаниям, например, тайное изъятие собственником имущества, которое подверглось описи или аресту не является кражей (но может квалифицироваться как преступление против правосудия — ст. 182 УК УССР), как не является кражей и тайное похищение оспариваемого личного имущества (при всех прочих условиях указанные действия могут рассматриваться как самоупрямство — ст. 198 УК УССР)². Точно так же открытое, либо насильственное, или же путем обмана и т. д. завладение имуществом, которое сам «похититель» передал «потерпевшему» во временное пользование, не может рассматриваться как грабеж, разбой, мошенничество. Не образует состава похищения (ст. 140, 141, 142, 143 УК) и самовольное изъятие чужого имущества в счет погашения суммы, которую «потерпевший» должен был «обвиняемому»³. В приведенных случаях лицо хотя и совершает определенные действия способами, указанными в соответствующих статьях главы V Особенной части УК, но не причиняет при этом ущерба личной собственности. Поэтому такие действия не могут быть квалифицированы как кража, грабеж, мошенничество, разбой. При необходимых условиях они могут рассматриваться как преступления против личности либо

¹ Более глубокий анализ критикуемой позиции см.: Панов Н. И. Квалификация преступлений, совершаемых путем обмана.— Харьков, 1980, с. 68—70.

² См.: Курс советского уголовного права: Часть Особенная, т. 3. Л.: Изд-во ЛГУ, 1973, с. 757.

³ См.: Курс советского уголовного права: Часть Особенная.— М.: Наука, 1971, т. 5, с. 305.

порядка управления. По этому пути идет и судебная практика. Верховный Суд Латвийской ССР квалифицировал действия Х. по ст. 141 УК Латв. ССР как разбой. Х. был признан виновным в том, что встретив Г., который должен был деньги сестре Х. в сумме 30 руб., стал требовать, чтобы тот возвратил деньги, а затем избил Г., причинил ему легкие телесные повреждения с кратковременным расстройством здоровья и при этом отобрал у него пальто и шарф. Изменяя квалификацию действий Х. на ст. 109 УК Латв. ССР (ст. 106 ч. 1 УК УССР), Пленум Верховного Суда СССР указал, что разбой предполагает наличие у виновного умысла на безвозмездное завладение чужим имуществом. В данном случае Х. такого умысла не имел. Он отобрал пальто и шарф у Г. лишь для того, чтобы тот возвратил долг его сестре¹.

Анализ способа совершения преступления позволяет правильно установить объективную сторону преступления, наличие (или отсутствие) общественно опасного действия (или бездействия), его последствия, причинную связь между ними, а также средства, место, время, обстановку совершения преступления, которыми способ детерминирован и находится с ними в неразрывной связи и взаимозависимости.

Известно, что способ уточняет, конкретизирует действие (бездействие) как обязательный признак объективной стороны преступления, придает последнему качественную определенность. Поэтому выяснение способа в каждом конкретном случае имеет важное значение для установления в содеянном признаков определенного (указанного в соответствующей статье Особенной части УК) общественно опасного действия (бездействия), что является необходимым условием решения вопроса об уголовной ответственности лица и правильной квалификации преступления, им совершенного. Если же способ не установлен, то возможны ошибки в применении уголовного закона. Поэтому высшие судебные инстанции в решениях по конкретным делам обоснованно исходят из того, что способ совершения преступления должен быть установлен следствием и судом по каждому уголовному делу. Так, оставляя без

¹ См.: Бюллетень Верховного Суда СССР, 1974, № 1, с. 17—21.

удовлетворения частный протест прокурора об отмене определения распорядительного заседания суда, которым дело по обвинению П., привлеченного к уголовной ответственности по п. «б» ст. 102 УК РСФСР (п. «б» ст. 93 УК УССР), было возвращено на дополнительное расследование, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР указала: способ и мотивы совершения преступления являются обстоятельствами, имеющими существенное значение для решения вопроса о квалификации действий виновного, а также для определения характера и степени ответственности и поэтому являются обстоятельствами, подлежащими обязательному установлению и доказыванию¹. В постановлении по делу Х. Президиум Верховного Суда РСФСР указал: «Способ совершения преступления является одним из важных условий при решении вопроса о квалификации действий виновного².

Установление способа имеет особое значение для квалификации в тех случаях, когда в диспозиции статьи Особенной части УК непосредственно не описаны признаки общественно опасного действия (бездействия). Например, объективная сторона преступлений, предусмотренных ст. 94, 98, 101, 102 УК УССР (соответственно, ст. 103, 106, 108, 109 УК РСФСР) сформулированы таким образом, что в этих уголовно-правовых нормах содержится указание лишь на общественно опасные последствия. Здесь не определены те формы, (виды) общественно опасного поведения, которые причиняют названный в приведенных статьях УК преступный результат³. Поэтому при квалификации подобных преступлений необходимо конкретизировать, раскрыть содержание действия (бездействия), которое было причиной этого результата. Важное значение в таких случаях имеет анализ способа совершения преступления. Являясь факультативным признаком составов названных преступлений он в то же время оказывает существенное влияние на социальные свойства (общественную опасность) этих преступлений, опреде-

¹ См.: Бюллетень Верховного Суда РСФСР, 1970, № 2, с. 11.

² См.: Бюллетень Верховного Суда РСФСР, 1966, № 5, с. 8.

³ См.: Куринцов Б. А. Научные основы квалификации преступлений.— М.: Изд-во МГУ, 1976, с. 90—91; он же. Научные основы квалификации преступлений.— М.: Изд-во МГУ, 1984, с. 73—74.

ляет характер, пределы, индивидуальные черты и свойства действия (бездействия), указывает на связь деяния и общественно опасных последствий. Поэтому выяснение способа позволяет в каждом конкретном случае сделать вывод, что именно данное действие (бездействие) было причиной общественно опасных последствий, например, смерти потерпевшего либо причинения ему телесных повреждений и является поэтому обязательным признаком объективной стороны данного преступления.

Выяснение способа важно при установлении объективной стороны преступления как тогда, когда он внутренне присущ преступному деянию, составляет его содержание, так и тогда, когда он выступает в виде «отдельного» действия вспомогательного характера, обеспечивающего выполнение «основного» действия (бездействия). В последнем случае, для правильной квалификации преступления необходимо установить, что способ является «средством» совершения этого «основного» действия (бездействия), образующего объективную сторону преступления, обуславливает его и находится с ним в необходимой причинной связи. Если же такая связь между данным действием (бездействием) и способом совершения преступления не будет установлена, то нельзя утверждать и о наличии объективной стороны преступления. Так, отсутствует объективная сторона хищения путем мошенничества в тех случаях, когда виновный, обнаружив, что получил вследствие ошибки работника государственной или общественной организации в большем, чем положено количестве товарно-материальных ценностей (например, денежных средств) этой организации, умалчивает, не сообщает о такой ошибке (т. е. совершает обман в форме бездействия) и противоправно присваивает незаконно полученное. Обман здесь не находится в причинной связи с завладением государственным или общественным имуществом, последнее передано виновному «по ошибке», вследствие заблуждения работника государственной или общественной организации, возникшего помимо воли лица, получившего это имущество. Поэтому названные действия, образующие обман, не могут рассматриваться как признак (элемент) объективной стороны хищения путем мошенничества. При наличии не-

обходимых условий такие действия могут быть квалифицированы как присвоение найденного или случайно оказавшегося у виновного государственного или общественного имущества по ст. 88 УК УССР (ст. 97 УК РСФСР)¹.

Точно так же не может выступать признаком объективной стороны насильственного грабежа или разбоя насилие (физическое насилие или угроза его применения), которое было применено не для завладения имуществом, а, например, из хулиганских побуждений, мести, ревности, неприязненных отношений, но после которого виновный похищает у потерпевшего имущество. В подобных случаях между насилием и завладением имуществом нет необходимой причинной связи, нет того внутреннего единства, которое служит основанием рассматривать совершенные действия как разбой².

Не образует объективной стороны насильственного грабежа и разбоя также и насилие, которое выполняло роль не способа завладения имуществом (или противоправного его удержания), а применялось как средство сопротивления для того, чтобы избежать задержания³. В постановлении по делу С. Президиум Верховного Суда РСФСР указал, что сопротивление и насилие, оказанные при задержании лицом, совершившим хищение, если эти действия не были способом завладения имуществом или удержания похищенного, не является основанием для признания совершенного хищения грабежом⁴.

Важное значение имеет установление способа при квалификации продолжаемых преступлений, особенно в тех случаях, когда способ является обязательным признаком состава преступления. Здесь вывод о наличии продолжаемого преступления, например, хищения (в любой из форм) может быть признан обоснованным при условии, что каждое из хищений, образующих в сочетании

¹ См.: М а т ы ш е в с к и й П. С. Уголовно-правовая охрана социалистической собственности в Украинской ССР.— Киев: Изд-во Киевск. ун-та, 1972, с. 71, 82—83; о н ж е: Ответственность за преступления против социалистической собственности.— Киев.: Вища школа, 1983, с. 56, 63—64.

² См.: В л а д и м и р о в В. А. Квалификация похищений личного имущества.— М.: Юрид. лит. 1974, с. 76; К р и г е р Г. Л. Ответственность за разбой.— М.: Юрид. лит., 1968, с. 33—34.

³ См.: В л а д и м и р о в В. А. Назв. раб., с. 75.

⁴ См.; Бюллетень Верховного Суда РСФСР, 1966, № 8, с. 15.

продолжаемое преступление, выполнено одним и тем же, «тождественным» способом. Четкие рекомендации на этот счет содержатся применительно к хищениям в крупном размере в постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 11 июля 1972 г. «О судебной практике по делам о хищениях государственного или общественного имущества»: «Действия лица, совершившего несколько хищений государственного или общественного имущества, причинивших в общей сложности ущерб в крупном размере, должны квалифицироваться по статьям об ответственности за хищение в крупном размере, если они совершены одним способом (разрядка автора—Н. П.) и при обстоятельствах, свидетельствующих об умысле совершить хищение в крупном размере»¹.

Из этого следует, что если хищение совершено отдельными действиями, даже весьма сходными с продолжаемым преступлением, но различными способами, то оно ни при каких обстоятельствах не может быть признано продолжаемым преступлением. Отметим также, что анализ способа в продолжаемых хищениях важен для выяснения не только объективных, но и субъективных признаков этих преступлений, т. е. для установления «единства умысла», который «объединяет» каждое из действий, образующих единое (единичное) продолжаемое хищение и является их конструктивным признаком. Теорией уголовного права и судебной практикой выработаны признаки (критерии), учет которых в каждом конкретном случае позволяет сделать вывод о наличии умысла на совершение продолжаемого (единичного) хищения и тем самым провести отличие его от повторных хищений. К этим признакам относят: тождественность действий, общность цели, единство источника, непродолжительность времени между отдельными эпизодами хищений, однородность имущества, которое расхищается, принадлежность его одному и тому же собственнику². Думается, что эти признаки могут быть дополнены и такими, которые относятся к сфере способа со-

¹ Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР. 1924—1977.—М., 1978, Часть 2, с. 158.

² См., напр.: Кригер Г. Соотношение продолжаемых и повторных хищений социалистического имущества.— Сов. юстиция, 1964, № 24, с. 3—5, Владимиров В., Криволапов Г. Соотношение продолжаемых и повторных преступлений.— Сов. юстиция, 1974, № 19, с. 9—11, Матишевский П., Андрушко П. Ще

вершения преступления. В частности, продолжаемыми следует признать хищения, состоящие из отдельных (тождественных) актов поведения, если в их основе лежит определенное преступное деяние, например, подлог документов, обеспечивающее возможность последующего совершения каждого из актов хищения. Так, при рассмотрении в порядке надзора уголовного дела по обвинению А., осужденной за повторное хищение государственного имущества было отмечено: продолжаемое преступление — незаконное получение пенсии по подложным документам — неправильно расценено судом как повторное совершение преступления¹. В определении Судебной коллегии Верховного Суда РСФСР по уголовному делу по обвинению С. было указано: «Неоднократное получение надбавок к зарплате по подложному документу не может быть квалифицировано как повторное хищение»².

Как продолжаемое преступление следует рассматривать и хищение целого по частям, а также такие хищения, отдельные тождественные акты которых являются лишь техническими приемами выполнения единичного преступного посягательства, направленного на достижение единого преступного результата. Так, в определении Судебной коллегии Верховного Суда РСФСР по делу П. было подчеркнуто: «Вынос похищенного за два приема не может рассматриваться как повторное хищение»³.

Как продолжаемые необходимо рассматривать и такие хищения, слагающиеся из неоднократных, тождественных актов, которые совершаются виновным путем использования служебного положения или выполняемой в государственной или общественной организации работы либо имеющегося доступа к товарно-материальным ценностям, и направлены на более или менее «постоянное» обогащение за счет похищаемого государственного или общественного имущества. П. была осуждена по ч. 2

раз про розмежування продовжуваних і повторних розкрадань соціалістичного майна.— Рад. право, 1978, № 11, с. 81—85.

¹ См.: Сборник постановлений Президиума и определений судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР. 1957—1959.— М.: Госюриздат, 1960, с. 121.

² См.: Бюллетень Верховного Суда РСФСР, 1965, № 2, с. 13.

³ См.: Бюллетень Верховного Суда РСФСР, 1963, № 4, с. 7.

ст. 92 УК РСФСР (ч. 2 ст. 84 УК УССР) за то, что, работая заведующей столовой в течение 1,5 месяцев, присвоила продукты и деньги на сумму 163 руб.: систематически присваивала из выручки деньги в сумме до 3 руб., брала без оплаты продукты на мелкие суммы. Судебная коллегия Верховного Суда РСФСР, рассматривая это дело в порядке надзора отметила, что П. присваивала товарно-материальные ценности систематически, мелкими суммами, одним и тем же способом, что свидетельствует не о повторном, а об одном продолжаемом преступлении и переквалифицировала совершенное ею преступление на ч. 1 ст. 92 УК¹. В определении по делу В., работавшей лаборанткой одного из предприятий и осужденной по ч. 2 ст. 92 УК РСФСР за повторное хищение этилового спирта (50 л.) на сумму 570 руб. Судебная коллегия Верховного Суда РСФСР указала, что неоднократное совершение мелких хищений спирта (за один раз В. похищала не более 250—300 г) из одного и того же источника следует рассматривать как единое продолжаемое преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 92 УК РСФСР².

Учет в совокупности всех признаков, характеризующих продолжаемое хищение, в том числе и тех, которые обусловлены способом совершения преступления, позволит, думается, более четко проводить в каждом конкретном случае отличие продолжаемых хищений от повторных, умысел на совершение которых возникает у виновного каждый раз вновь при совершении каждого нового акта хищения, и, таким образом, правильно квалифицировать эти преступления. В связи с изложенным представляется целесообразным дополнить определение продолжаемого хищения, которое содержится в ч. 3 п. 11 Постановления Пленума Верховного Суда СССР от 11 июля 1972 г. «О судебной практике по делам о хищениях государственного или общественного имущества», указанием и на упомянутые признаки, характерные для этого хищения, как единого (единичного) пре-

¹ См.: Сборник постановлений Президиума и определений Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР. 1961—1972.— М.: Юрид. лит. 1974, с. 195—196.

² Вопросы уголовного права и процесса в практике прокурорского надзора за соблюдением законности при рассмотрении судами уголовных дел.— М.: Юрид. лит., 1976, с. 149.

ступления, состоящего из нескольких тождественных (совершенных одним и тем же способом) действий и охватываемых единством умысла.

Выяснение способа в процессе квалификации преступлений имеет важное значение для установления других признаков объективной стороны преступления: общественно опасных последствий, причинной связи между деянием и последствиями, места, времени, обстановки, средств совершения преступления, которые, как отмечалось, находятся со способом в тесной связи и взаимозависимости.

Установление способа как признака объективной стороны преступления является необходимым условием разграничения смежных преступлений. Известно, что немало таких преступлений, которые имеют существенное сходство с другими преступлениями и различаются между собой лишь одним или несколькими признаками. Если таким признаком является способ совершения преступления, то выявление «разграничительных линий» между смежными преступлениями именно по данному признаку является необходимым условием правильной квалификации этих преступлений, поскольку весь процесс квалификации по сути дела «состоит в последовательном отграничении каждого признака совершенного деяния от признаков других, смежных преступлений¹». В подобных случаях нужно определить признаки, присущие каждому из способов смежных преступлений, четко установить те черты, которыми эти способы различаются между собой (например, физическое насилие от психического насилия, обман от злоупотребления доверием, угроза насилием от обмана и т. д.) и на этом основании разграничивать смежные преступления. Таким же образом может быть проведено разграничение простого состава преступления от его квалифицированного (особо квалифицированного) вида, если квалифицирующим обстоятельством выступает способ совершения преступления, преступных деяний от непроступных.

Однако изложенным значение способа для разграничения преступлений в процессе их квалификации не исчерпывается. Нередко смежные преступления соверша-

¹ Кудрявцев В. Н. Общая теория квалификации преступлений, с. 146.

ются одним и тем же («тождественным») способом (способами). В таких случаях разграничение подобных преступлений для правильной их квалификации является обязательным. Причем, разграничение данных преступлений необходимо проводить не по способу, а по другим объективным либо субъективным признакам состава преступления или же одновременно по тем и другим, взятым в сочетании. Например, хищение государственного или общественного имущества путем мошенничества (ст. 83 УК) и причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием (ст. 87 УК) совершаются одними и теми же способами: путем обмана или злоупотребления доверием. Это предполагает необходимость разграничения названных преступлений главным образом по другим (не по способу совершения преступления) признакам объективной стороны — характеру действия и последствий в каждом из них и др., хотя и способы в том и другом преступлении имеют определенные особенности¹.

Анализ способа совершения преступления имеет важное значение для установления не только объекта и объективной стороны преступления, но и его субъективной стороны. Под установлением субъективной стороны преступления понимают процесс выявления в деянии лица умысла или неосторожности, как обязательных признаков состава преступления, выяснение вида, содержания и направленности умысла, содержания неосторожности, мотива, цели и иных признаков субъективной стороны преступления². Наука советского уголовного права исходит из принципиальных положений о возможности установления субъективной стороны преступления, — психического отношения лица к совершаемому им преступлению, — как факта реальной действительности. Методологической основой познания субъективной стороны преступления является принцип познания внутреннего мира человека, его психики (интеллектуальной и во-

¹ Подробнее о разграничении хищения путем мошенничества и причинения имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием см.: Панов Н. И. Уголовная ответственность за причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием. — Харьков: Вища школа. 1977, с. 83—95.

² См.: Дагель П. С., Михеев Р. И. Теоретические основы установления вины. — Владивосток, 1975, с. 10—11.

левой деятельности) на основе анализа его поведения¹. Характеризуя такую познавательную деятельность, К. Маркс писал: «...какое же объективное мерило можем мы приложить к намерению, помимо содержания действия и его формы?»². Развивая эту же мысль, В. И. Ленин указывал: «...по каким признакам судить нам о реальных «помыслах и чувствах» реальных личностей? Понятно, что такой признак может быть только один: действия этих личностей, а так как речь идет только об общественных «помыслах и чувствах», то следует добавить еще: общественные действия личностей, т. е. социальные факты»³.

Известно, что умысел и неосторожность, мотив и цель преступления объективируются в совершенном виновным общественно опасном действии (бездействии). Причем, обстоятельства субъективного характера, в том числе мотив и цель преступления, выступают детерминантами способа совершения преступления и поэтому всегда проявляются в нем. Из этого следует, что анализ общественно опасного действия (бездействия), выяснение его объективных признаков, в особенности способа совершения преступления, во многом обеспечивает правильное установление форм вины (умысла и неосторожности), мотива и цели преступления.

Выяснение способа совершения преступления, наряду, конечно, с другими признаками объективной стороны преступления, позволяет в ряде случаев достаточно точно определить форму вины. Так, если способ выступает в виде «отдельного» действия вспомогательного характера, обеспечивающего выполнение «основного» действия состава преступления, то это свидетельствует, как правило, об умышленной форме вины. Совершение преступления путем насилия, угрозы применения насилия, обмана, злоупотребления доверием, а также путем мучения, истязания и т. п. указывают, по общему правилу, на умысел в действиях виновного. В иных случаях анализ способа совершения преступления позволяет прийти к выводу о наличии в действиях лица неосторожной формы вины. Так, выяснение в каждом конкретном слу-

¹ Дагель П. С., Михеев Р. И. Теоретические основы установления вины, с. 30—31.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 1, с. 122.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 423—424.

чае способа осуществления преступного действия (бездействия) позволяет в известной мере проводить отграничение умышленных убийств от неосторожных (особенно, если наступление смерти потерпевшего явилось результатом небрежного обращения с различного рода механизмами, оружием, иными общеопасными предметами), умышленных — от неосторожных тяжких телесных повреждений, умышленных убийств от умышленных тяжких телесных повреждений, повлекших смерть потерпевшего¹. Поэтому не случайно Пленум Верховного Суда СССР в постановлении от 27 июня 1975 г. «О судебной практике по делам об умышленном убийстве» отметил, что мотивы, цель и способ (разрядка автора — Н. П.) убийства имеют важное значение для правильной оценки содеянного и назначения наказания, и указал на необходимость выяснения их во всех случаях².

Способ совершения преступления является одним из фактических обстоятельств, на основании анализа которого (естественно, с учетом и других обстоятельств) можно сделать вывод не только о форме вины, но и о содержании умысла или неосторожности. В упомянутом постановлении от 27 июня 1975 г. Пленум Верховного Суда СССР указал: «Решая вопрос о содержании умысла виновного, суд должен исходить из совокупности всех обстоятельств совершенного преступления и учитывать, в частности, способы и орудия преступления, количество, характер и локализацию ранений и иных телесных повреждений (например, в жизненно важные органы человека)»³. Выяснение способа осуществления преступного действия (бездействия) позволяет установить характер предвидения виновным общественно опасных последствий его действий (или напротив, отсутствие такого предвидения), содержание желаний, сознательного допущения либо легкомысленного расчета на предотвращение этих последствий⁴. Таким образом, анализ способа в каждом конкретном преступлении во многом способствует

¹ См.: Бородин С. В. Квалификация преступлений против жизни.— М.: Юрид. лит., 1977, с. 196—198; Андреева Л. А. Значение установления субъективной стороны для квалификации преступлений против личности.—Л.: 1980, с. 6—8, 13—15.

² См.: Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР. 1924—1977.—М., 1978, 4, 2. с. 186.

³ См.: Указ. сборник, с. 187.

⁴ Об этом подробнее см. § 2 гл. 1, § 2 гл. 2, настоящей работы.

установлению умышленной и неосторожной форм вины, определению видов умысла (прямого либо косвенного) и неосторожности (преступной самонадеянности или преступной небрежности), что важно как для правильной квалификации преступлений, так и для выяснения характера и степени их общественной опасности. Из этого исходят и высшие судебные инстанции при рассмотрении конкретных дел. Пленум Верховного Суда УССР в постановлении по делу С., осужденного за умышленное нанесение тяжкого телесного повреждения, повлекшего смерть потерпевшей (С., находясь в нетрезвом состоянии нанес потерпевшей удар ножом, причинил колото-резаную рану живота размером 20 см, в результате чего через рану произошло выпадение кишечника; смерть потерпевшей наступила от гнойного перитонита, вызванного проникающим ранением в брюшную полость), указал, что суд пришел к неправильному выводу о том, что С. не имел намерения убить потерпевшую, а хотел причинить ей лишь тяжкое телесное повреждение. Суд не учел орудие и способ совершения преступления и сам характер ранения. Действия С. следует квалифицировать как умышленное убийство. На основании этого Пленум Верховного Суда УССР приговор областного суда и определение Судебной коллегии Верховного Суда, которая признала квалификацию действия С. в приговоре правильной, отменил и дело направил на новое судебное рассмотрение¹. Президиум Верховного Суда РСФСР в постановлении по делу Е. указал: «При обсуждении вопроса о наличии у лица умысла на лишение жизни человека, необходимо исходить из совокупности всех обстоятельств дела, принимая во внимание предшествующее поведение виновного, способ совершения преступления, применявшееся орудие и характер причиненных потерпевшему телесных повреждений²». В определении Судебной коллегии Верховного Суда РСФСР по делу Н. было указано, что, решая вопрос о виновности лица в убийстве, суд должен исходить из совокупности всех обстоятельств дела, учитывая способ совершения преступления, орудия преступления и характер причиненных потерпевшему ранений³.

¹ См.: Рад. право, 1964, № 5, с. 134.

² См.: Бюллетень Верховного Суда РСФСР, 1964, № 5, с. 11.

³ См.: Бюллетень Верховного Суда РСФСР, 1963, № 9, с. 3.

Анализ способа позволяет в ряде случаев установить мотив и цель преступления. Например, если преступление совершено путем противоправного, безвозмездного изъятия государственного, общественного или принадлежащего отдельным гражданам имущества, то это свидетельствует, как правило, о корыстном характере мотива и цели преступления. Отметим также, что в случаях, когда способ в структуре состава преступления выступает в виде «отдельного» действия, обеспечивающего выполнение «основного» действия, для правильной квалификации преступления необходимо установить, что осуществляя это деяние вспомогательного характера, виновный преследовал цель совершить данное «основное» действие. Отсутствие такой цели разрывает единство указанных действий и свидетельствует об отсутствии как объективных, так и субъективных признаков состава соответствующего преступления¹. Исходя из этого необходимо проводить отличие таких составных преступлений как разбой от насильственных действий, сопряженных с завладением чужого имущества, но не являющихся разбоем², изнасилования от иных преступлений против личности, а также хулиганства³, и т. п.

Выяснение способа в ряде случаев позволяет устанавливать и признаки субъекта, в частности, специального субъекта преступления. Так, если преступление, исходя из характера общественных отношений, на которые оно посягает, может быть совершено лишь путем злоупотребления отношениями доверия, существующими между субъектом преступления и предприятием, учреждением, организацией (субъектом общественного отношения), то для наличия состава данного преступления, необходимо установить, что виновный обладал надлежащими полномочиями, вытекающими из его трудовой функции или должностного положения, которые и определяли в конечном счете отношения доверия. При этом также необходимо установить, что со-

¹ См. об этом подробно § 2 гл. II настоящей работы.

² См.: Болотский Б. Квалификация изъятия имущества при некорыстных ненасильственных посягательствах.— Сов. юстиция, 1970, № 6, с. 17—18.

³ См.: Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР. 1924—1977.—М., 1978, Ч. 2, с. 197—198.

вершая преступление субъект использовал предоставленные ему полномочия, т. е. злоупотреблял доверием. Отсутствие таких полномочий будет свидетельствовать не только об отсутствии злоупотребления доверием как способа совершения преступления, но и специального субъекта преступления. Так, деятельность государственных или колхозно-кооперативных организаций по оказанию гражданам услуг в сфере торговли, общественного питания, бытового обслуживания и т. п. предполагает, что эти организации вступают в гражданско-правовые отношения с гражданами только через своих представителей (работников), которые наделены соответствующими полномочиями по обслуживанию населения. Злоупотребление же ими такими полномочиями, например, обсчет, обмеривание, обвешивание, превышение установленных различных цен, цен и тарифов на коммунальные и бытовые услуги образует, при наличии всех других условий, преступление, предусмотренное ст. 155 либо ст. 155—1 УК. В то же время совершение таких действий лицами, не наделенными полномочиями по обслуживанию населения, например, не состоящими с указанными организациями в трудовых правоотношениях, не может рассматриваться как злоупотребление доверием и поэтому не может квалифицироваться по названным статьям УК. Пленум Верховного Суда СССР в постановлении от 2 марта 1973 г. «О судебной практике по делам об обмане покупателей» указал, что субъектами преступления, предусмотренного ст. 155 УК могут быть только те работники предприятий торговли и общественного питания, работа которых непосредственно связана с обслуживанием покупателей. Поэтому какие-либо другие лица, которые не находились в трудовых отношениях с предприятиями торговли или общественного питания, но продают товары, принадлежащие этим предприятиям, и при этом обворовывают покупателей, подлежат ответственности за мошенничество¹. Данное решение является обоснованным, так как оно учитывает, что субъектами отношений по обслуживанию населения

¹ См.: Рад. право, 1973, № 3, с. 102. Аналогичное разъяснение было дано Пленумом Верховного Суда РСФСР в постановлении от 12.XII.1964 г. «О судебной практике по делам об обмане покупателей». См.: Сборник постановлений Пленума Верховного Суда РСФСР. 1961—1983.— М.: Юрид. лит., 1984, с. 206.

в сфере торговли, общественного питания, бытового, коммунального обслуживания населения и т. п. выступают с одной стороны—граждане, с другой—государственные либо колхозно-кооперативные организации в лице их полномочных представителей¹. В этой связи спорным представляется разъяснение Пленума Верховного Суда СССР в постановлении от 14 марта 1975 г. «О судебной практике по делам об обмане покупателей и заказчиков», что субъектом преступления при обмане покупателей и заказчиков может быть как работник предприятия торговли, общественного питания, бытового обслуживания так и иное лицо, реализующее товары или выполняющее заказы и оказывающее услуги населению в указанных предприятиях². Как видно, данное решение допускает возможность признания субъектами обмана покупателей и лиц, не являющихся работниками торговли, хотя они в силу тех или иных обстоятельств и выполняли их функции (например, вследствие родственных отношений или по просьбе продавца). Но здесь не учитывается, что причинение вреда общественным отношениям в сфере услуг (в том числе и в торговле), предоставляемых гражданам государственными и колхозно-кооперативными организациями, возможно лишь со стороны одного из участников этих отношений — представителей (работников) этих организаций и всегда сопряжено со злоупотреблением ими доверием и использованием предоставленных им полномочий. Поэтому обмеривание, обвешивание покупателей, превышение установленных розничных цен и т. д. совершенные лицами, не являющимися работниками торговли, но выполняющими их функции следует рассматривать не как обман покупателей, а как мошенничество.

Изложенное позволяет сделать следующие выводы: Установление способа совершения преступления имеет весьма важное значение для правильной квалификации преступлений. Если способ прямо указан в законе или непосредственно вытекает из его смысла, и выступает в качестве обязательного признака состава преступления

¹ Подробно об этом см.: Тацкий В. Я. Ответственность за хозяйственные преступления.—Харьков: Вища школа, 1984, с. 145—148.

² См.: Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР, 1924—1977, ч. 2; с. 226—227.

то его установление и доказывание уголовно-процессуальными и криминалистическими средствами является обязательным по каждому уголовному делу. Особенности квалификации преступлений с учетом способов их совершения во многом зависят от того, при помощи каких терминов, понятий и приемов законодательной техники способ описан в законе. Анализ способа позволяет устанавливать элементы состава — объект, объективную сторону, субъективную сторону, субъекта преступления,— и поэтому имеет важное значение для правильной квалификации преступлений и в тех случаях, когда он является факультативным признаком состава преступления.

§ 2. ЗНАЧЕНИЕ УСТАНОВЛЕНИЯ СПОСОБА ДЛЯ ПРЕОДОЛЕНИЯ КОНКУРЕНЦИИ НОРМ И КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРИ ИХ СОВОКУПНОСТИ

Итогом квалификации преступлений должен быть вывод о том, какая норма уголовного закона применима в конкретном случае. «Квалифицировать преступление,— отмечает В. Н. Кудрявцев,— значит дать ему юридическую оценку, указать соответствующую уголовно-правовую норму, содержащую признаки этого преступления¹». При квалификации преступлений с учетом способов их совершения должна применяться та статья Особенной части УК, которая в полном объеме охватывает содеянное, в том числе и способ совершения преступления. При этом особых трудностей не возникает, когда способ, выступая в качестве признака — характеристики преступного действия (бездействия), внутренне присущ ему, образует его содержание. Большую сложность при выборе уголовно-правовой нормы представляют ситуации, когда способ выступает в виде «отдельного» действия, которое посягает на присущий ему объект уголовно-правовой охраны и при этом предусмотрено в соответствующей норме УК в качестве самостоятельного преступления, а в данном случае является необходимым элементом составного преступления. Здесь норма, предусматривающая ответственность за деяние, выступающее способом совершения преступления, находится в отно-

¹ Кудрявцев В. Н. Общая теория квалификации преступлений, с. 6.

шении конкуренции «части и целого» с нормой, устанавливающей ответственность за составное преступление. По правилам этого вида конкуренции норм, в таком случае должна применяться та норма УК, которая с наибольшей полнотой охватывает все фактические признаки совершенного деяния. Она имеет преимущество перед нормой, предусматривающей лишь часть того, что совершил преступник. Из этого общего правила применительно к рассматриваемому вопросу вытекает, что, если норма, предусматривающая способ совершения преступления, находится в отношении конкуренции части и целого с нормой, предусматривающей все преступление в целом, должна применяться последняя норма¹.

При такой квалификации преступлений с учетом способа их совершения, необходимо, однако, чтобы все содеянное в полном объеме охватывалось одной из норм, находящихся в отношении конкуренции «части и целого». Если же ни одна из этих норм не охватывает всего совершенного, то оно может получить правильную правовую оценку только путем применения двух или более норм Особенной части УК вместе взятых, ибо в таком случае мы встречаемся не с конкуренцией норм, а с совокупностью преступлений.

Конкуренция норм и совокупность преступлений, имея черты сходства, в то же время существенно различаются между собой. При конкуренции норм имеет место одно (единичное) преступление, признаки которого предусмотрены одновременно в двух или более статьях Особенной части УК. Для совокупности же характерно то, что здесь всегда налицо два или более преступлений, предусмотренных различными уголовно-правовыми нормами, ни одна из которых не охватывает в полном объеме содеянного. В таком случае должны быть применены все нормы УК, предусматривающие преступления, входящие в совокупность².

В теории советского уголовного права выделяют два вида совокупности преступлений — идеальную и реальную. Конкуренция норм имеет существенное сходство с идеальной совокупностью преступлений, под которой

¹ См.: Кудрявцев В. Н. Общая теория квалификации преступлений, с. 26.

² См.: Кудрявцев В. Н. Общая теория квалификации преступлений, с. 286. Малков В. П. Совокупность преступлений, с. 178.♦

понимают совершение лицом одним действием двух или более преступлений, предусмотренных различными статьями (либо различными частями одной и той же статьи) УК, что означает, что одним действием лица выполнено два или более составов различных преступлений¹. Как видно, при идеальной совокупности преступления ее составляющие объединены единством действия (бездействия). Это действие (бездействие) носит, как правило, сложный характер и включает в себя отдельные акты поведения, один из которых выполняет роль способа совершения преступления. Причем, одно из преступлений, входящих в совокупность, в таком случае выступает способом («средством») совершения другого преступления. При таком положении важное значение имеет выяснение признаков, по которым можно провести различие между этими преступлениями, иначе говоря, сделать вывод, что в данном случае имеет место не единичное преступление, которое предусмотрено двумя или более нормами УК,² находящимися между собой в отношении конкуренции, а идеальная совокупность, т. е. два или более преступлений. Такими признаками являются, прежде всего, объект преступления и преступные последствия. При идеальной совокупности преступление, начавшись одним и тем же действием,— отмечает В. Н. Кудрявцев,— затем как бы расщепляется: одно действие приводит к двум разным последствиям, не охватываемым одной статьей Особенной части, страдают две различные группы общественных отношений, два объекта преступного посягательства. В итоге имеется не одно, а два преступления².

Исходя из этого правила, должен решаться вопрос и о квалификации преступлений с учетом способа их совершения. Так, известно, что преступления, способ совершения которых предусмотрен в УК в качестве самостоятельного преступления, причиняют вред (или же ставят в опасность причинения вреда) не одному, а нескольким различным объектам. Иначе говоря, здесь терпят ущерб два или более объекта потому, что причинение вреда одному из них является способом осуществления посягательства на другой. Но если эти объекты соот-

¹ См.: Малков В. П. Совокупность преступлений, с. 288.

² См.: Кудрявцев В. Н. Общая теория квалификации преступлений, с. 297.

носятся между собой как основной и дополнительный (обязательный или факультативный) или же имеет место «сложный» непосредственный объект, в содержание которого входят дополнительные объекты, которые при этом охраняются одной уголовно-правовой нормой, предусматривающей ответственность за «основное» преступление, то совокупности преступлений нет, содеянное охватывается этой нормой УК и образует единичное преступление. По этим основаниям рассматривают как единичное преступление, а не совокупность, например, сопротивление работнику милиции или народному дружиннику, сопряженное с насилием, в результате чего терпят ущерб две группы общественных отношений—порядок управления, обеспечивающий нормальную деятельность работников милиции по охране общественного порядка (основной объект) и здоровье человека (дополнительный объект), которые образуют единый «сложный» непосредственный объект. Точно так же является единичным преступлением злостное хулиганство, отличающееся особой дерзостью и выражающееся, например, в уничтожении государственного, общественного или личного имущества, ответственность за которое установлена в ч. 1 ст. 98, ч. 1 ст. 145 УК. В данном случае страдают два объекта — общественный порядок (основной объект) и социалистическая либо личная собственность (дополнительно-факультативные объекты). Но в силу их внутреннего единства они образуют единый сложный объект, охраняемый нормой, закрепленной в ч. 2 ст. 206 УК.

По этим же основаниям обман покупателей, причиняющий вред не только розничной торговле, но и имущественным интересам покупателей, квалифицируется только по ст. 155 УК без применения ст. 143 УК (мошенничество); разбой только по ст. 86, 142 УК без применения ст. 100, 102, 106, 107 УК, в которых установлена ответственность за соответствующие преступления против личности; превышение власти или служебных полномочий, принуждение к даче показаний, соединенные с применением насилия, побег из мест лишения свободы или из-под стражи, соединенный с насилием над стражей, соответственно, только по ст. 166 ч. 2, 175 ч. 2, 183 ч. 2 УК без применения ст. 100, 102, 106, 107 УК УССР. Эти и подобные им деяния не могут образовывать совокуп-

ности преступлений и поэтому должны квалифицироваться как единичные преступления.

Однако при этом необходимо учитывать и степень вреда, причиненного каждому из объектов (основному, дополнительно-обязательному, дополнительно-факультативному, сложному), которые нарушаются преступным посягательством, способ осуществления которого предусмотрен соответствующей нормой УК в качестве самостоятельного преступления. Речь идет, в конечном счете, об учете и сравнении степени общественной опасности каждого из актов преступного посягательства, причиняющих вред указанным объектам и образующих в сочетании «сложное» действие (бездействие), которое лежит в основе составного преступления. Наиболее часто данный вопрос возникает при квалификации преступлений, сопряженных с применением физического или психического насилия (насильственных преступлений), одним из объектов которых выступает телесная неприкосновенность, здоровье и жизнь человека.

Известно, что оценка законодателем тяжести причиненного вреда объекту, тяжести последствий преступления, и, таким образом, его общественной опасности, всегда находит отражение в установлении в законе соответствующего вида и размера наказания за данное преступление. Поэтому учет степени причинения вреда каждому из объектов преступлениями, одно из которых составное, другое—выступает способом совершения первого и всегда направлено на причинение вреда дополнительно объекту (телесной неприкосновенности, здоровью человека и т. д.), предполагает необходимость сравнения размера наказаний, установленных за эти преступления. Такой подход, думается, позволит учитывать степень общественной опасности конкретного случая. (При этом может быть выработано, на наш взгляд, следующее правило общего порядка: если преступление совершено таким способом, который предусмотрен УК в качестве самостоятельного преступления и с учетом степени причиненного им вреда дополнительно (обязательному либо факультативному) объекту (тяжести последствий), влечет более строгую либо равную ответственность по сравнению с основным («составным») преступлением, то содеянное должно квалифицироваться по совокупности преступлений.) Данное решение

разделяет и судебная практика. Так, Пленум Верховного Суда СССР в постановлении от 3 июля 1963 г. «О судебной практике по применению законодательства об ответственности за посягательство на жизнь, здоровье и достоинство работников милиции и народных дружинников» указал, что нанесение в результате сопротивления работнику милиции или народному дружиннику, а равно в результате насилия, примененного в целях принуждения этих лиц к выполнению явно незаконных действий, «тяжкого телесного повреждения или менее тяжкого телесного повреждения, если последнее по закону союзной республики влечет за собой более строгое наказание чем то, которое предусмотрено ст. 191—1 ч. 2 УК РСФСР и соответствующими статьями УК других союзных республик, (ч. 2 ст. 188—1 УК УССР), должно квалифицироваться по совокупности преступлений»¹. Так же и в постановлении от 16 октября 1972 г. «О судебной практике по делам о хулиганстве» Пленум Верховного Суда СССР указал, что более тяжкие, чем хулиганство, преступления, например, причинение тяжких телесных повреждений, совершенные из хулиганских побуждений, следует квалифицировать по совокупности с хулиганством². Такой подход является обоснованным. Иное решение — квалификация содеянного только по статье УК, предусматривающей ответственность за сложное преступление, включающее как основное деяние, так и способ его осуществления (ч. 2 ст. 188—1, ч. 2 ст. 206 УК), не учитывало бы тяжести вреда, причиненного в первом случае дополнительно-обязательному, а во втором — дополнительно-факультативному объектам (здоровью человека), чем виновный фактически освобождался бы от ответственности за более тяжкое преступление (ч. 1 ст. 101 УК), за которое следует и более строгое наказание. В то же время квалификация указанных деяний лишь по статье УК, предусматривающей ответственность за более тяжкое преступление (ч. 1 ст. 101 УК), которое выступает в роли способа совершения основного (составного) преступления, не учитывало бы характера и степени общественной опасности этого составного преступления, не позволяла бы учесть специфику всего совершенного.

¹ Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР, 1924—1977, ч. 2, с. 253.

² См.: Там же, с. 267—268.

Такое же решение, как отмечалось, должно быть и в случаях равенства наказаний за преступления, одно из которых выступает способом совершения другого и посягает на дополнительный объект. При этом важно учитывать максимальный и минимальный пределы наказания за каждое из преступлений, наличие или отсутствие в санкциях статей УК в альтернативе других, более мягких видов наказания, дополнительных наказаний (конфискации имущества, ссылки, высылки, лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью и др.), которые могут быть применены за эти преступления, наличие ограничений применения условного осуждения к лишению свободы с обязательным привлечением к труду, условно-досрочного освобождения от наказания и замены наказания более мягким, особенностей признания преступления тяжким и др. Наличие дополнительных наказаний и соответствующих ограничений за одно из преступлений и отсутствие их за другое обуславливает по общему правилу необходимость квалификации совершенного по правилам совокупности преступлений.

Однако определяющее влияние на квалификацию в указанных случаях имеет все же объект преступления. В частности, квалификация совершенного только по статье УК, предусматривающей составное преступление, не позволит учесть в конкретном случае характера и тяжести вреда, причиненного дополнительному объекту деянием, являющимся способом совершения преступления. Но и применение лишь нормы УК, в которой установлена ответственность за деяние, выступающее способом совершения преступления и посягающее на дополнительный объект, вело бы к игнорированию роли основного объекта, который оказывает определяющее влияние на характер и степень общественной опасности преступления.

Исходя из этого, по правилам совокупности необходимо квалифицировать превышение власти или служебных полномочий, а также принуждение к даче показаний, соединенные с применением физического насилия (ч. 2 ст. 166, ч. 2 ст. 175 УК), в результате которого потерпевшему было причинено тяжкое телесное повреждение, предусмотренное ч. 1 ст. 101 УК. За каждое из этих преступлений по УК УССР предусмотрено наказа-

ние от двух до восьми лет лишения свободы. Точно так же, при равенстве максимального предела наказания (восемь лет лишения свободы) по совокупности преступлений надлежит квалифицировать, согласно постановлению Пленума Верховного Суда УССР от 12 марта 1979 г. «О практике применения судами Украинской ССР законодательства об ответственности за изнасилование»¹, изнасилование, сопряженное с применением физического насилия (ч. 1 ст. 117 УК), в результате которого потерпевшей причинено тяжкое повреждение, опасное для жизни в момент причинения (ч. 1 ст. 101 УК)². По уголовному делу по обвинению С. Верховный Суд УССР указал, что покушение на изнасилование, сопровождающееся причинением потерпевшей тяжкого телесного повреждения, опасного для жизни в момент причинения (сдавливание шеи руками, в результате чего потерпевшая потеряла сознание), должно квалифицироваться по ст. 17, 117 ч. 1 и ст. 101 УК³. Еще ранее Пленум Верховного Суда СССР высказался в пользу такой квалификации по аналогичному делу Л.⁴, а в последующем по делу Ш.⁵ В то же время, если в результате физического насилия при изнасиловании потерпевшей причинены тяжкие телесные повреждения, повлекшие последствия, указанные в ст. 101 УК, то, как разъяснил Пленум Верховного Суда СССР в постановлении от 25 марта 1964 г. «О судебной практике по делам об изнасиловании», содеянное надлежит квалифицировать по ч. 4 ст. 117 УК как изнасилование, повлекшее особо тяжкие последствия⁶.

При квалификации преступлений, способ совершения которых предусмотрен в определенной статье Особенной части УК в качестве самостоятельного преступления, учет степени общественной опасности каждого из этих преступлений (т. е. учет строгости наказания, установленного в санкциях статей УК за каждое из них) не должен, однако, иметь абсолютного зна-

¹ См.: Радянське право, 1979, № 6, с. 86.

² См.: Сташис В. В., Бажанов М. И. Преступления против личности в УК УССР и судебной практике.— Харьков: Вища школа, 1981, с. 159.

³ См.: Радянське право, 1966, № 8, с. 93.

⁴ См.: Бюллетень Верховного Суда СССР, 1964, № 6, с. 20—21.

⁵ См.: Бюллетень Верховного Суда СССР, 1970, № 3, с. 27—28.

⁶ См.: Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР, 1924—1977, ч. 2, с. 194—195.

чения. Решение вопроса о наличии в подобных ситуациях единичного преступления или же совокупности преступлений зависит, как отмечалось, главным образом от того, — охватывает ли в полном объеме применяемая в данном случае норма УК все совершенное. Если эта норма не охватывает полностью фактических признаков «основного» преступления, либо того, которое является способом совершения первого, то применять необходимо все нормы УК (совокупность преступлений), даже при условии, что одна из них предусматривает более строгое наказание, чем другая (другие). По этим основаниям надлежит квалифицировать по правилам совокупности преступлений по п. «а» ст. 93 и ст. 86, ст. 142 УК УССР (п. «а» ст. 102 и ст. 91, ст. 146 УК РСФСР) убийство из корыстных побуждений, сопряженное с разбойным нападением. Состав разбоя не охватывает причинение смерти¹, а убийство из корысти не предусматривает такого способа совершения данного преступления, который присущ разбою. Пленум Верховного Суда СССР разъяснил в постановлении от 27 июня 1975 г. «О судебной практике по делам об умышленном убийстве» (п. 6), что такие случаи следует квалифицировать по совокупности указанных преступлений, поскольку они не охватываются диспозицией п. «а» ст. 102 УК² (разрядка автора — Н. П.). Пленум обоснованно исходит здесь из того, что каждое из указанных преступлений должно получить соответствующую юридическую оценку, несмотря на то, что наказание за убийство из корысти, предусмотренное ст. 93 УК, значительно строже, чем наказание за разбой (ст. 86, 142 УК). Довод юристов, полагающих, что квалифицировать указанные преступления по совокупности необходимо потому, что в ст. 102 УК РСФСР не предусмотрено такое наказание, как конфискация имущества, а в ст. 91 и 146 УК РСФСР предусмотрено, является конечно, обоснованным, так как квалификация только по п. «а» ст. 102 УК не позволит применить к виновному названное дополнительное наказание. Но сам по себе, без учета других, рассмотренных выше обстоятельств, этот довод не может быть положен в ос-

¹ По УК УССР 1922 и 1927 гг. (УК РСФСР 1922, 1926 гг.) состав разбоя охватывал и причинение смерти.

² См.: Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР. 1924—1977, ч. 2, с. 187.

нову решения вопроса о квалификации упомянутых преступлений. Нельзя в связи с изложенным согласиться с утверждением, что квалификация корыстного убийства по совокупности с разбойным нападением может быть оправдана только тем, что ст. 102 УК РСФСР не предусматривает конфискацию имущества, и поскольку это дополнительное наказание предусматривается ст. 93 УК УССР, то по законодательству Украинской ССР не требуется прибегать к квалификации по совокупности¹. Данное решение не учитывает главного — п. «а» ст. 102 УК РСФСР, (п. «а» ст. 93 УК УССР) не охватывает в полном объеме объективной стороны разбоя, что и обуславливает в конечном счете необходимость квалификации этих преступлений по правилам совокупности.

Аналогично должен решаться вопрос и о квалификации умышленного убийства при превышении власти или служебных полномочий, принуждении к даче показаний, соединенных с насилием. Пленум Верховного Суда СССР разъяснил в п. 16 постановления от 27 июня 1975 г. «О судебной практике по делам об умышленном убийстве», что действия виновного, совершившего умышленное убийство при превышении власти или служебных полномочий, должны квалифицироваться по совокупности преступлений, предусмотренных статьями, устанавливающими ответственность за умышленное убийство и ч. 2 ст. 171 УК РСФСР (ч. 2 ст. 166 УК УССР)².

Образуют также совокупность преступлений убийство способом, опасным для жизни многих лиц (п. «е» ст. 93 УК УССР, п. «д» ст. 102 УК РСФСР), и телесные повреждения (ст. 101, 102, 106 УК УССР, ст. 108, 109, 112 УК РСФСР), если в результате этого способа убийства, примененного виновным, были причинены телесные повреждения другим лицам. Пленум Верховного Суда СССР в п. 10 упомянутого постановления от 27 июня 1975 г. указал, что в случае причинения телесных повреждений другим лицам при убийстве способом, опасным для жизни многих людей, действия виновного надлежит квалифицировать помимо п. «д» ст. 102 УК РСФСР и по статьям УК, предусматривающим ответст-

¹ См.: Курс советского уголовного права: Часть Особенная.— М.: Наука, 1970, т. 4, с. 365—266.

² См.: Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР, 1924—1977, ч. 2, с. 192.

венность за умышленное причинение телесных повреждений¹.

По этим же основаниям необходимо квалифицировать по УК РСФСР по совокупности преступлений превышение власти или служебных полномочий и принуждение к даче показаний, соединенные с применением насилия (ч. 2 ст. 171, ч. 2 ст. 179 УК РСФСР), повлекшего причинение умышленного тяжкого телесного повреждения (ч. 1 либо ч. 2 ст. 108 УК РСФСР), хотя в санкциях ч. 2 ст. 171 и ч. 2 ст. 179 УК предусмотрено более строгое наказание (лишение свободы, соответственно, на срок до десяти лет и от трех до десяти лет), чем в санкции ч. 1 ст. 108 УК (лишение свободы на срок до восьми лет). Объясняется данное решение (помимо приводившихся ранее аргументов в пользу квалификации названных преступлений по правилам совокупности) тем, что причинение тяжкого телесного повреждения не охватывается, как ранее указывалось, понятием «насилие» (физическое насилие), которое имеет один и тот же объем и содержание безотносительно к тому, в какую из статей Особенной части УК оно включено при описании объективной стороны состава преступления. Из этого следует, что умышленное тяжкое телесное повреждение, причиненное при превышении власти или служебных полномочий и принуждении к даче показаний не охватывается диспозицией ч. 2 ст. 171 и ч. 2 ст. 179 УК РСФСР и подлежит квалификации по совокупности преступлений. Неубедительным поэтому представляется мнение тех ученых, которые считают, что в данном случае должна применяться только ст. 171 ч. 2 (ст. 179 ч. 2) УК без применения ст. 108 УК РСФСР¹. Сторонники данной позиции, вероятно, исходят лишь из строгости наказаний за упомянутые преступления и руководствуются единственным правилом, согласно которому применяться в подобных случаях должна норма УК, предусматривающая более строгое наказание. Но при этом не учитывается объективно существующее несовпадение

¹ См.: Там же, с. 189.

² См.: Здравомыслов Б. В. Должностные преступления. Понятие и квалификация.— М.: Юрид. лит., 1975, с. 112; Галахова А. Превышение власти или служебных полномочий.— М.: Юрид. лит. 1978, с. 83; Власов И. С., Тяжкова И. М. Ответственность за преступления против правосудия.— М.: Юрид. лит., 1968, с. 69—71 и др.

между этими преступлениями по признакам объективной стороны, когда ни одна из статей УК (ст. 171 ч. 2 и ст. 108 УК РСФСР) в полном объеме не охватывает всего совершенного, а именно — последствий примененного в качестве способа совершения преступления физического насилия, т. е. умышленного тяжкого телесного повреждения. Поэтому здесь мы встречаемся с ситуацией, характерной не для единичного преступления (которую необходимо решать по правилам конкуренции норм, соотносящихся между собой как «часть» и «целое»), а для совокупности (идеальной) преступлений. Поэтому более правильной является позиция тех юристов, которые считают, что причинение умышленного тяжкого телесного повреждения при превышении власти или служебных полномочий и принуждении к даче показаний образует совокупность преступлений и подлежит квалификации по ч. 2 ст. 171, ч. 2 ст. 179 и ст. 108 УК РСФСР (ч. 2 ст. 166, ч. 2 ст. 175 и ст. 101 УК УССР)¹.

Совокупность преступлений имеет место и тогда, когда общественно опасное деяние, способ совершения которого предусмотрен в УК в качестве самостоятельного преступления, причиняет вред двум или более различным группам общественных отношений, которые не находятся в соотношении основного и дополнительного (обязательного и факультативного) непосредственных объектов либо как сложный и в его пределах дополнительно-обязательный или дополнительно-факультативный объекты, не находятся в отношении подчинения, одно из этих общественных отношений не составляет части другого. В таких случаях ни одна из уголовно-правовых норм полностью не охватывает всего совершенного и квалификация поэтому должна осуществляться по правилам совокупности преступлений. На основании этих положений общего порядка необходимо решать, в частности, вопрос о квалификации преступлений, совершаемых путем обмана, который выражается в использовании подложных документов (обман действием), вы-

¹ См.: Курс советского уголовного права: Часть Особенная.—М.: Наука, 1971, т. 6, с. 49—50, с. 135—136; Курс советского уголовного права: Часть Особенная, т. 4.—Л.: Изд-во ЛГУ, 1978, с. 272, 357; Ефимов М. Е. Вопросы квалификации должностных преступлений по УК БССР.— Минск, 1967, с. 21; Светлов А. Я. Ответственность за должностные преступления.— Киев: Наук. думка, 1978, с. 181—182 и др.

ступающих «средством обмана», либо сопряжен с самовольным присвоением власти или звания должностного лица. Используя подложные документы для совершения преступлений, например, мошенничества — ст. 83, 143 УК УССР (ст. 93, 147 УК РСФСР), причинения имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием — ст. 87 УК УССР (ст. 94 УК РСФСР), обмана покупателей — ст. 155 УК УССР (ст. 156 УК РСФСР) и др., субъект наряду с этими преступлениями совершает одновременно и такое общественно опасное деяние, которое предусмотрено в качестве самостоятельного преступления в ч. 2 ст. 194 УК УССР (ч. 3 ст. 196 УК РСФСР). Если же обман при совершении соответствующего преступления был сопряжен с самовольным присвоением власти или звания должностного лица, то все содеянное подпадает не только под признаки данного преступления, совершаемого путем обмана, но и под признаки преступления, предусмотренного ст. 191 УК.

Здесь необходимо прийти к одному из возможных решений: либо все содеянное должно квалифицироваться только по статье УК, предусматривающей ответственность за конкретное преступление, способом совершения которого является обман, либо помимо этой нормы необходимо применить еще и статью УК об ответственности за использование заведомо подложного документа, либо за самовольное присвоение власти или звания должностного лица (соответственно ч. 2 ст. 194, ст. 191 УК). Среди ученых-криминалистов нет единства взглядов по данному вопросу. Так, некоторые из них считают, что использование подложных документов при совершении преступлений путем обмана образует содержание (форму) обмана и поэтому дополнительный квалификации по ч. 2 ст. 194 УК не требуется¹. Анализируя данную позицию, отметим, что понятия «обман» и «использование подложных документов» по объему по

¹ См.: Уголовный кодекс Украинской ССР: Научно-практический комментарий.— Киев: Политиздат Украины, 1978, с. 286; Комментарий к УК РСФСР.— М.: Юрид. лит. 1971, с. 236, 242; Борзенков Г. Н. Ответственность за мошенничество.— М.: Юрид. лит., 1974, с. 164; Фролов Е. А., Ефимов М. А. Квалификация преступлений по совокупности.— Сов. юстиция, 1963, № 6, с. 7; Ляпунов Ю. И. Квалификация хищений социалистического имущества путем мошенничества.— Соц. законность, 1984, № 4, с. 38—39; и др.

существо совпадают. Использование подложных документов, выражающееся в любых формах предъявления или представления подложного документа в государственные или общественные учреждения, на предприятия или в организации в целях получения тех или иных прав или освобождения от обязанностей¹, образует содержание обмана. Поэтому, на первый взгляд, можно прийти к выводу, что ч. 2 ст. 194 УК и нормы, предусматривающие ответственность за преступления, совершаемые путем обмана (ст. 83, 87, 143 УК и др.), находятся в отношении конкуренции «части» и «целого» и последние полностью поглощают использование подложных документов. Однако использование заведомо подложных документов не предусмотрено в соответствующих статьях УК в качестве обязательного признака составов мошенничества, причинения имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием и др. Причем, использование таких документов при совершении указанных преступлений имеет место далеко не всегда,— возможен устный словестный обман, обман конклюдентными действиями и т. д. В связи с этим применение подложных документов всегда свидетельствует о повышенной общественной опасности конкретного случая, так как данный способ обеспечивает «успешное» осуществление преступления или же его сокрытие. Отметим, кроме этого, что совпадение преступлений, предусмотренных ст. 83, 87, 143 УК и др. и ч. 2 ст. 194 УК, имеет место лишь по признакам объективной стороны. По другим же элементам состава, в частности, по объекту преступления; между названными преступлениями и использованием заведомо подложного документа имеются существенные различия. Так, если хищение путем мошенничества причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием нарушают отношения социалистической собственности, мошенничество — отношения личной собственности, то использование заведомо подложных документов посягает на общественные отношения, обеспечивающие подлинность и законный порядок выдачи, предъявления и использования документов². Эти отноше-

¹ Стащис В. В., Бажанов М. И. Преступления против порядка управления.— Харьков, 1971, с. 43.

² См.: Сергеева Т. Л. Борьба с подлогом документов по советскому уголовному праву.— М., 1949, с. 33—37; Тихенко С. И.

ния, очевидно, не составляют часть отношений собственности, не однородны и не находятся с ними в тесной связи и взаимозависимости. Они нарушаются при совершении названных преступлений далеко не всегда, их нарушение в указанных случаях не образует устойчивой повторяемости (закономерности), как, например, нарушение определенным преступлением дополнительно-факкультативного объекта. Эти отношения не свойственны названным преступлениям и, следовательно, не могут быть признаны в качестве их непосредственного (дополнительного) объекта. Поэтому уголовно-правовые нормы, предусматривающие указанные деяния, не конкурируют, не находятся в отношении подчинения ни по объему, ни по содержанию, так как имеют существенно различающий их элемент состава — объект преступления¹. Различие же в объектах указанных преступлений свидетельствует не о конкуренции норм, как иногда утверждают², а об идеальной совокупности преступлений. Следовательно, совершение преступлений путем обмана и использование подложных документов представляют собой самостоятельные преступления. Правильно заметил по этому поводу А. С. Никифоров, что «...в тех случаях, когда подлог и использование заведомо подложных документов выступают в качестве средства или способа совершения хищения, они не перестают быть самостоятельными преступлениями, посягающими на свой собственный непосредственный объект»³. Поэтому следует признать убедительным мнение тех ученых, которые считают, что совершение преступления путем обмана, выразившегося в использовании заведомо подложных документов, должно квалифицироваться по совокупности преступлений — по ч. 2 ст. 194 УК УССР и по соответствующей статье Особенной части УК, предусматривающей ответственность за преступление, способом совершения которого является обман⁴.

Борьба с хищениями социалистической собственности, связанными с подлогом документов. — К.: Изд-во Киевск ун-та, 1959, с. 138; Станис В., Бажанов М. И. Назв. раб., с. 40.

¹ См.: Кудрявцев В. Н. Теоретические основы квалификации преступлений, с. 261, 263.

² См.: Борзенков Г. Н. Назв. раб., с. 164.

³ См.: Никифоров А. С. Совокупность преступлений. — М., 1965, с. 133.

⁴ См.: Никифоров Б. С. Борьба с мошенническими посягательствами на социалистическую и личную собственность по советскому

Нередко поддельные документы, используемые при совершении преступлений путем обмана, изготавливает (подделывает) то лицо, которое в последующем само использует эти документы. В таких случаях в действиях виновного помимо признаков конкретного преступления, совершенного путем обмана, содержатся также и признаки преступления, предусмотренного ст. 172 УК (служебный подлог) либо ч. 1 ст. 194 УК (подделка документов). Подобные действия иногда предлагают квалифицировать только по норме УК, предусматривающей ответственность за преступление, способом совершения которого является обман, без применения ч. 1 ст. 194 УК¹. Строронники этой позиции обычно исходят из того, что «подлог» (т. е. служебный подлог) и «подделка документов» по своим объективным признакам и по объему входят в содержание обмана, являющегося способом совершения названных преступлений, и поэтому не нуждаются в дополнительной квалификации. Подобный взгляд и его аргументация, однако, не могут быть признаны убедительными. Обман, как способ совершения преступления, средством которого выступают подложные документы, может образовывать лишь использование таких документов. «Подлог» же документов и их «подделка» не охватываются понятием обмана. Служебный подлог и подделка документов, заключающиеся в полном изготовлении фальшивого документа, сходного с подлинным, либо во внесении в подлинный документ ложных сведений, либо в изменении содержания или характера документа путем подчистки, вытравливания и т. д.² сами по себе, без использования этих документов не могут образовывать обман как способ совершения преступления, так как здесь еще нет присутствующего обману дезинформирующего воздействия на пси-

уголовному праву, с. 97—98; Тихенко С. И. Борьба с хищениями социалистической собственности, связанными с подлогом документов, с. 162; Андреева Л. А. Спорные вопросы квалификации совокупности преступлений.— Сов. юстиция, 1969, № 3, с. 18—20 и др.

¹ См.: Курс советского уголовного права Часть Особенная.— М., 1970, т. 4, с. 382; Комментарий к Уголовному кодексу РСФСР.— М., 1971, с. 234—235.

² См.: Сташис В. В., Бажанов М. И. Преступления против порядка управления.— Харьков, 1971, с. 41—42.

хику обманываемого¹. Правильно писал по этому поводу применительно к хищениям С. И. Тихенко: «Как бы преступник ни фальсифицировал документ, какие бы ни вносил в него ложные сведения, никакого имущества только от этих действий он не получит»². Подлог и подделка документов сами по себе лишь создают условия для совершения других преступлений, обязательным признаком которых выступают обман или злоупотребление доверием как способы совершения преступлений. Между указанными преступлениями имеет место связь, характерная для реальной совокупности преступлений³. С учетом того, что служебный подлог и подделка документов (ст. 172, ст. 194 ч. 1 УК) посягают на самостоятельные и присущие им объекты уголовно-правовой охраны и не являются обязательными признаками составов соответствующих преступлений, совершаемых путем обмана, т. е. не охватываются объективной стороной этих преступлений, они должны квалифицироваться самостоятельно. Таким образом, совершение преступления, сопряженного с использованием подложного документа и изготовлением (подлог, подделка) этого документа, не охватываются составом преступления, обязательным признаком которого является обман. Подобные действия должны квалифицироваться по статье УК, предусматривающей ответственность за конкретное преступление (мошенничество, причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием и т. д.), и по ст. 172 либо по ч. 1 ст. 194 УК по правилам реальной совокупности преступлений. По этому пути идет и судебная практика. Так, правильно были квалифицированы действия С., по ст. 172, 155 ч. 1 и ст. 165 ч. 1 УК УССР, которая, работая заведующей отделом промтоварного магазина, с целью избежать изобличения обмана покупателей, внесла в счет-фактуру на вывоз товаров для реализации на рынке заведомо ложные сведения о стоимости импортной обуви и фиктивные артикулы, и в

¹ Подробнее об этом см.: Панов Н. И. Квалификация преступлений, совершаемых путем обмана.— Харьков; 1980, с. 37—59.

² Тихенко С. И. Борьба с хищениями социалистической собственности, связанными с подлогами документов.— Киев: Изд-во Киевск. ун-та, 1959, с. 121.

³ См.: Яковлев А. М. Совокупность преступлений.— М.: Юрид. лит., 1960, с. 80—85; Малков В. П. Совокупность преступлений, с. 205—206, 210—211.

последующем, используя этот документ и злоупотребляя служебным положением, продавала товары по ценам, превышающим установленные розничные цены¹.

Отметим также, что служебный подлог и подделка документов всегда поглощают последующее использование этих документов при совершении преступления, в связи с чем нет необходимости квалифицировать действия лица, подделавшего документ, помимо ч. 1 ст. 194 также и по ч. 2 этой же статьи УК². Судебная коллегия Верховного Суда РСФСР в определении по делу С. и Д. указала, что в случае использования подложного документа самим исполнителем дополнительная квалификация его действий по ч. 3 ст. 196 УК РСФСР (ч. 2 ст. 194 УК УССР) не требуется³.

Исключение из рассмотренных правил квалификации преступлений, сопряженных с подлогом, подделкой и использованием заведомо подложных документов, составляют случаи, когда в норме УК, предусматривающей ответственность за преступления, способом совершения которых является обман, подлог, подделка или использование подложных документов, указаны в качестве обязательных признаков составов соответствующих преступлений. В этих случаях законодатель учитывает совокупность преступлений в одной норме, что всегда находит отражение в санкции этой нормы, предусматривающей более строгое наказание за совершение таких преступлений (например, ст. 70, 72, 128, 192, 243 УК УССР, ст. 78, 80, 133, 198—1, 249 УК РСФСР).

Совокупность преступлений образует, как представляется, и хищение путем злоупотребления служебным положением, сопряженное с подлогом документов. Известно, что подложные документы являются предметом преступления, предусмотренного ст. 172 УК. Эти документы «трансформируются в средства совершения преступления, когда используются (предъявляются) при хищении путем злоупотребления служебным положением. Здесь подлог как самостоятельное преступление осуществляется для использования подложных до-

¹ См.: Архив народного суда Московск. р-на г. Харькова за 1982 г., дело № 247.

² См.: Сташис В. В., Бажанов М. И. Преступления против порядка управления, с. 44.

³ Бюллетень Верховного Суда РСФСР, 1963, № 12, с. 7.

кументов в будущем, в качестве средства совершения преступления. Подлог документов, таким образом, еще не образует способа совершения преступления (хищения), не выступает в качестве необходимого элемента состава преступления, предусмотренного ст. 84 УК, и не поглощается злоупотреблением служебным положением, являющимся обязательным признаком состава данного преступления. Последующее же использование (предъявление) таких документов при хищении образует новое, иное преступление по сравнению с предыдущим подлогом документов. Способом совершения этого преступления является злоупотребление служебным положением (злоупотребление доверием). Поэтому подлог документов в данном случае, как создающий условия для хищения государственного или общественного имущества образует с ним реальную совокупность преступлений. Иное решение — квалификация хищения путем злоупотребления служебным положением, сопряженного с подлогом документов, как иногда предлагают, только по ст. 84 УК¹—представляется неубедительным. Известно, что хищение путем злоупотребления служебным положением может быть совершено как посредством служебного подлога, так и без него. Иначе говоря, служебный подлог является отнюдь не единственным вариантом совершения преступления, предусмотренного ст. 84 УК. Если же лицо, совершая хищение, прибегает к служебному подлогу, образуя самостоятельное преступление, то все совершенное, при прочих равных условиях, представляет, несомненно, большую опасность, чем хищения, не сопряженные с подлогом. Кроме того, совершение служебного подлога и последующее использование подложных документов в значительной мере способствует успешному осуществлению преступного замысла, позволяет в ряде случаев длительное время совершать хищение, либо скрывать его, причинить крупный либо особо крупный ущерб. А. С. Никифоров писал, что «...преступные средства и способы потому и облегчают преступление, что обычно наилучшим образом способствуют его совершению или сокрытию»². Игнорирование дан-

¹ Курс советского уголовного права: Часть Особенная — М., 1971, т. 4, с. 79.

² См.: Никифоров А. С. Совокупность преступления. — М., Юрид. лит., 1965, с. 96.

ного обстоятельства и, как следствие, квалификация хищения путем злоупотребления служебным положением, сопряженного с подлогом документов, только по ст. 84 УК без применения ст. 172 УК. не будет отражать общественной опасности и специфики содеянного, в результате чего и наказание будет определяться, по существу, только за преступление, предусмотренное ст. 84 УК, а служебный подлог останется без должной правовой оценки. Поэтому убедительным представляется мнение тех ученых, которые предлагают квалифицировать указанные преступления по совокупности — ст. 84 и ст. 172 УК¹. Разделяет данное решение и судебная практика. Пленум Верховного Суда СССР в п. 7 постановления от 11 июля 1972 г. «О судебной практике по делам о хищении государственного и общественного имущества» указал: «Обращение в свою собственность или собственность других лиц государственных или общественных средств или иных ценностей по заведомо фиктивным документам, совершенное по сговору между частными и должностными лицами, должно квалифицироваться: для должностных лиц по совокупности как хищение и должностной подлог, а для других лиц — как хищение и, в соответствующих случаях, как соучастие в должностном подлоге»². Аналогично складывается практика и по конкретным уголовным делам. Так, правильно были квалифицированы по ст. 175 и 93—1 УК РСФСР (ст. 172, 86—1 УК УССР) действия В., которая, работая старшим бухгалтером сберегательной кассы, путем составления фиктивных документов на протяжении 1976—1981 гг. совершила хищение денежных средств на сумму 40310 руб³. Точно так же Пленум Верховного Суда СССР решает вопрос и о квалификации хищений, сопряженных с приписками и другими искажениями отчетности о выполнении планов (ст. 147—1 УК), которые являются видом (частным случаем) слу-

¹ См.: Малков В. П. Совокупность преступлений.— Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 1974, с. 210—211; Здравомыслов Б. В. Должностные преступления: Понятие и квалификация.— М.: Юрид. лит., 1975, с. 166—167; Владимиров В. А. Ляпунов Ю. И. Социалистическая собственность под охраной закона.— М.: Юрид. лит., 1979, с. 102—103; Кригер Г. А. Квалификация хищений социалистического имущества.— М.: Юрид. лит., 1974, с. 92—93, и др.

² См.: Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР. 1924—1977, ч. 2, с. 156.

³ См.: Бюллетень Верховного Суда РСФСР. 1982, № 12, с. 9—10.

жебного подлога. В п. 10 постановления от 12 января 1973 г. «О судебной практике по делам о приписках и других искажениях отчетности о выполнении планов» Пленум указал: «Если приписки в государственной отчетности и представление других умышленно искаженных отчетных данных о выполнении планов были совершены с последующим умышленным незаконным оформлением документов и обращением материальных средств в свою собственность или собственность других лиц, содеянное должно квалифицироваться по статьям УК, предусматривающим ответственность за приписки и хищения социалистической собственности...»¹.

Обман как способ совершения преступления может быть сопряжен, как отмечалось, и с самовольным присвоением власти или звания должностного лица. Так, мошенник, используя форменную одежду работника милиции или работника прокуратуры, может ввести в заблуждение потерпевшего о тех или иных обстоятельствах и завладеть его имуществом. Точно так же, используя подложный документ и «выдавая» себя за представителя власти, виновный может подстрекать к даче взятки и т. п. В этих случаях самовольное присвоение власти или звания должностного лица образует содержание обмана, являющегося способом совершения соответствующего преступления. Однако, как и использование заведомо подложных документов при совершении действий, образующих обман, самовольное присвоение власти или звания должностного лица так же посягает на присущий ему «самостоятельный» непосредственный объект, которым является правильная деятельность государственного аппарата и его авторитет². Этот объект существенно отличается от непосредственных объектов других преступлений, совершаемых путем обмана, не находится с ними в отношении подчинения либо в отношении части и целого. Следовательно, самовольное присвоение власти или звания должностного лица и конкретное преступление, совершаемое путем обмана, представляют собой самостоятельные преступления, образуют в едином акте преступного посягатель-

¹ См.: Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР. 1924—1977, ч. 2, с. 212.

² См.: Сташис В. В., Бажанов М. И. Преступления против порядка управления, с. 34—35.

ства идеальную совокупность преступлений. Следовательно, совершение путем обмана преступления, сопряженного с самовольным присвоением власти или звания должностного лица, должно квалифицироваться по правилам совокупности преступлений¹.

Изложенное позволяет заключить, что анализ способа при квалификации преступления имеет весьма важное значение для преодоления конкуренции норм, а также для установления совокупности преступлений и, следовательно, для правильного применения уголовного закона и назначения справедливого наказания. Причем, если норма УК, в которой установлена ответственность за преступление, способом совершения которого выступает деяние, предусмотренное в соответствующей статье УК в качестве самостоятельного преступления, охватывает в полном объеме все совершенное, то применяться должна эта общая норма. Если же ни одна из этих норм УК не охватывает всего совершенного, в том числе способ совершения преступления, либо последствия (вред), им причинение объекту уголовно-правовой охраны, то квалификация должна осуществляться по правилам совокупности преступлений. Аналогичной должна быть квалификация и в случаях, если норма, УК, устанавливающая ответственность за деяние, выступающее способом совершения преступления, в сравнении с нормой, в которой установлена ответственность за все преступление в целом, предусматривает равную или более строгую ответственность, либо в отличие от этой нормы предусматривает возможность применения дополнительных мер наказания (конфискации имущества, ссылки, высылки, лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью), подлежащих применению за это преступление, либо согласно нормам Общей части УК, ограничивает возможность применения условного осуждения к лишению свободы с обязательным привлечением к труду, условно-досрочного освобождения от наказания или замены наказания более мягким, отсрочки исполнения приговора, либо предусматривает другие ограничения, позволяющие дифференцировать и индивидуализировать ответственность.

¹ См.: Поленов Г. Ф. Ответственность за преступления против порядка управления.— М.: Юрид. лит., 1978, с. 63—66.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
ГЛАВА I. ПОНЯТИЕ СПОСОБА СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ	
§ 1. Объективные признаки способа совершения преступления	5
§ 2. Субъективные признаки способа совершения преступления	16
ГЛАВА II. СПОСОБ СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В СТРУКТУРЕ СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ	
§ 1. Способ как признак состава преступления	24
§ 2. Способ и элементы состава преступления (ср. отношение и взаимосвязь)	39
ГЛАВА III. ЗНАЧЕНИЕ СПОСОБА ДЛЯ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ	
§ 1. Установление способа — важное условие правильной квалификации преступлений	65
§ 2. Значение установления способа для преодоления конкуренции норм и квалификации преступлений при их совокупности	89

Николай Иванович ПАНОВ

**УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ ЗНАЧЕНИЕ СПОСОБА
СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ**

Учебное пособие

Редактор С. Д. Сусл о

Сдано в набор 12.11.84. Подписано в печать 17.12.84. Формат 80 × 108¹/₃₂. Печ. выс. Гарн. лит. 5,88 усл. печ. л., 5,1. Тираж 1000 экз.
Заказ 5151. Цена 25 к.

Харьковская типография № 13, Областного управления по делам
издательств, полиграфии и книжной торговли, ул. Артема, 44.